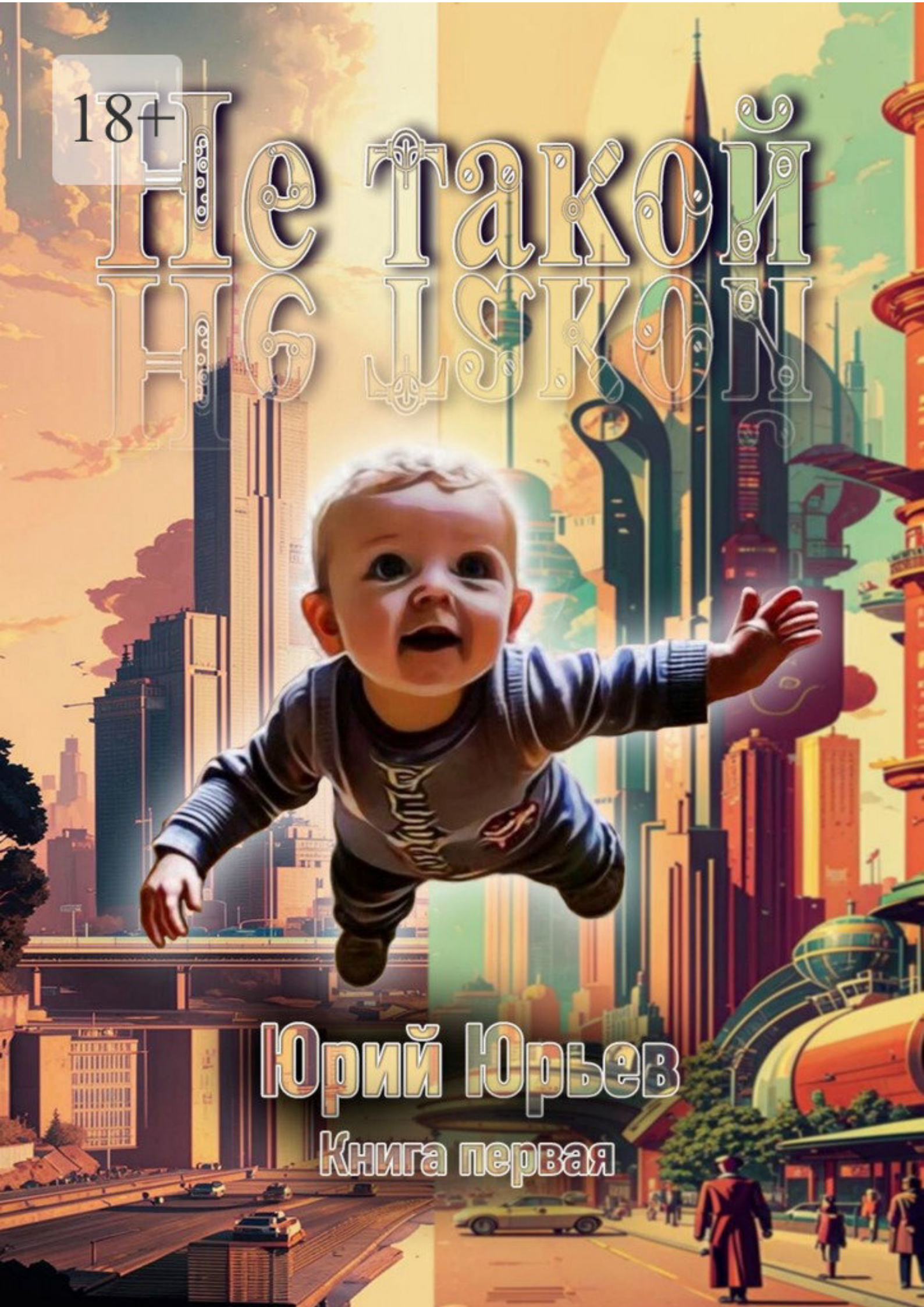
18+

Не такой



Юрий Юрьев

Книга первая

Юрий Юрьев

Не такой. Книга первая

«Издательские решения»

Юрьев Ю. Х.

Не такой. Книга первая / Ю. Х. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-670445-9

Вы знаете, что такое инкарнация? Если думаете, что да, то глубоко ошибаетесь. А вот мне пришлось познать опыт перенесения сознания из далекого будущего в шестидесятые годы двадцатого века. Что я могу по этому поводу сказать? Расти и развиваться в утробе женщины при полном осознании своей личности — это такое себе удовольствие. И еще один вопрос, который крутится в моем сознании, пока подрастает мое тельце: буду ли я и здесь обладать теми же суперспособностями, что и в своем реальном времени?

ISBN 978-5-00-670445-9

© Юрьев Ю. Х.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 27
Глава 6 33
Часть вторая 38
Глава 7 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Не такой
Книга первая

Юрий Харлампиевич Юрьев

Все герои и персонажи книги выдуманы автором, всякое совпадение имен или фамилий, является случайным.

Дизайнер обложки Анна Александровна Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2025
© Анна Александровна Скрипаль, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-0445-9 (т. 1)
ISBN 978-5-0067-0447-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЛАГОДАРНОСТИ

Родившись в этом воплощении мужчиной и к тому же почти ровесником описываемых в книге событий, мне в силу данных обстоятельств не получилось бы достаточно точно описать всё то, что происходило с моим героем. Поэтому я хочу выразить огромную признательность милым женщинам: моей родственнице Юрьевой Светлане Ивановне, за консультации о воспитании детей в шестидесятые годы прошлого столетия, а также моей хорошей знакомой и другу Ирине Николаевне Клищ, работающей инструктором по физической культуре в детском садике.

Часть первая

Глава 1

Расти и развиваться в утробе женщины при полном осознании своей личности, прямо скажу, такое себе удовольствие. Если же быть откровенным до конца, то удовольствия в этом нет вообще никакого. Вы можете, например, представить себя таким малюсеньким червячком, который бултыхается в кромешной темноте в какой-то вязкой жидкости и на протяжении девяти месяцев постепенно превращается из этого самого червячка в маленького человечка. Вы ещё не можете есть, не можете дышать, всё необходимое для жизни поступает в ваш организм через пуповину. На ранней стадии развития у вас нет рук, нет ног, и ещё даже нет мозга, но зато у вас, в отличие от всех других человеческих эмбрионов, есть сознание! Что это значит? А то, что вы прекрасно осознаёте, что чувствует ваше тельце, что чувствует ваша мамочка, слышите, хотя и ушей ещё тоже нет, что происходит за пределами её живота… Кроме того, и это, наверное, самое главное, вы умеете думать, рассуждать, анализировать и помните абсолютно всё, что происходило с вами в вашей жизни до того, как вы превратились в этот самый эмбрион.

Здесь могут последовать возражения, мол, о чём это ты, какая ещё прошлая жизнь?.. Как ни странно, у меня, то есть у моего сознания, теперь имеется два тела. Уверяю вас, я ничего не перепутал, у меня не раздвоение сознания, а именно удвоение тел. Одно осталось где-то в далёком будущем. И здесь тоже нет никакой ошибки, именно в будущем, а не в прошлом, ну а моё новое я обрёл благодаря тому, что согласился на невиданный, даже в наш продвинутый век, эксперимент. Думаю, настало время объяснить, кто я и в каком именно эксперименте принял участие. Что ж, пожалуй, попробую обстоятельно обо всём рассказать, хотя рассказчик из меня не весьма какой хороший.

Зовут меня Пересвет, если полностью, то Пересвет Владиславович Драгин, и до того, как я покинул своё тело, мне было тридцать шесть лет. Не удивляйтесь, что у меня было такое древнее имя, просто в наше время, а проживал я в четырёхтысячных годах, ребёнка нарекают не абы как, а придерживаясь подсказок специалистов в области нумерологии и других сопутствующих наук. По специальности я учёный, и последние годы жизни работал вместе с профессором Здравомысловым Владимиром Владимировичем, в его «Лаборатории по изучению инкарнационных возможностей человека». Он-то и является создателем, так называемой, теории, а теперь уже и практики, ретроградной инкарнации, и именно ему принадлежит замысел материализации сознания в прошлом.

Что это за штука такая, ретроградная инкарнация, резонно спросите вы? Возможно, само слово «инкарнация» чуждо вашему разуму, а тут ещё и какая-то ретроградная… Допускаю, что кто-то из вас не верит в перерождение душ и в прошлые жизни, но это лишь потому, что ваше сознание ещё забито множеством догм и стереотипов и омрачено невежеством. В моём времени ни для кого не является секретом и не вызывает никаких сомнений то, что душа после смерти одного физического тела через некоторое время перевоплощается в другое. Но в нашем эксперименте происходит всё несколько иначе. Специально подготовленный человек в определённое время умышленно погружается в глубокий транс, после чего его сознание особым образом переносится в тело женщины, где и возникает эмбрион. Происходит своего рода инкарнация, только не в будущем, а в прошлом. Век, год и день в которые это самое сознание должно переместиться, высчитываются и определяются по особым формулам, которые в вашем времени можно было бы назвать магическими.

К слову сказать, инкарнировать таким вот образом в будущее пока не получилось ни у профессора Здравомыслова, ни у других учёных, работающих по этой теме. Немаловажную роль в изобретении Владимира Владимировича играет и этическая сторона вопроса. Перемещаемое в прошлое сознание ни в коей мере не замещает и тем более не вытесняет другое, которое должно было воплотиться в зародыше ребёнка. Для проведения ретроградной инкарнации предполагается супружеская пара, которая по какой-либо причине не может иметь детей. После определённых «магических» манипуляций в чреве реципиента остаётся, своего рода, энергетическая закладка. Вот она-то, кроме того, что даёт возможность этой женщине забеременеть, ещё и «бронирует» место именно для того, кто решился пройти путь ретроградной инкарнации.

Как я уже сказал, в то время, когда я расстался со своим телом, мне было тридцать шесть лет. Если эксперимент пройдёт успешно, то я проживу в моём, так сказать, добавочном воплощении столько лет, сколько заложено природой. По окончании срока моё сознание, как и положено, покинет тот мир и вновь вернётся в тело Пересвета. Во всяком случае так обещал профессор Здравомыслов, опираясь на все свои расчёты, и мне, конечно, очень хочется надеяться, что так и будет. Что произойдёт, если эксперимент пойдёт как-то не так? Об этом, честно признаюсь, не хочется даже думать. Я по жизни оптимист и верю только в хорошее.

Насчёт того, что, пребывая столько лет в трансе, я состарюсь, а после своего возвращения продолжу жизнь уже немощным стариком, я нисколько не переживаю. И дело совсем не в том, что я такой фанатик своего дела, что готов положить на алтарь науки лучшие годы своей жизни. Вовсе нет. То есть, я, конечно, в каком-то смысле действительно фанатик, но главное в том, что наша эволюция после глобальной катастрофы, произошедшей уже около двух тысяч лет назад, не пошла техногенным путём. Она свернула совсем в другую сторону, в сторону духовного развития и совершенствования личности. У нас не существует никакого искусственного интеллекта, который должен помогать человечеству решать сложные проблемы. Выбранный новой цивилизацией путь привёл к тому, что человек смог настолько развить свой мозг, что тот теперь работает уже не на какие-то жалкие пять процентов, а на целых девяносто – девяносто пять. При наличии такого интеллекта пропал смысл в каких-либо «костылях», которые будут его замещать. Люди достигли такой продолжительности жизни, которая ранее и не снилась. Человек живёт столько, сколько захочет сам, то есть пока не выполнит своё предназначение данного воплощения. Обычно это составляет от двухсот до пятисот лет, и это вовсе не благодаря развитию медицинских технологий, а только из-за естественного для человека образа жизни без вредных привычек, стрессовых ситуаций и, естественно, чистой окружающей среды. Есть у нас, конечно, и более древние долгожители, но это, в основном, люди интеллектуального труда, у которых ещё не исчерпался ресурс свежих мыслей и идей.

С развитием мозга у людей начали развиваться и дремлющие до сих пор сверхспособности. Выход из тела, чтение мыслей, интуиция, материализация предметов… Вот лишь небольшой перечень того, что стало вполне естественным для человека будущего. Конечно же, и значительно повысился уровень сознания. Время навязываемой социумом деградации давно кануло в Лету. Развитие духовности теперь стало приоритетной задачей единого общества, проживающего на планете Земля. Прививание нравственности и высоких моральных принципов начинается ещё до рождения ребёнка и продолжается всю его долгую жизнь. Говоря о продолжительности жизни, нельзя не затронуть вопрос о здоровье. Могу вас обрадовать, хотя, возможно, кто-то придёт и в уныние: со здоровьем, до самой старости, у нас тоже всё благополучно. На улицах нередко можно встретить живеньких и весёлых стариков и старушек, которые часто по вечерам в парках гуляют парами, а иногда и всем своим многочисленным семейством. На их лицах никогда не встретишь гримасы боли и не услышишь жалоб на возраст и здоровье. И это не какое-то исключение, отнюдь. В высокочастотных телах, которые люди приобретают благодаря своему духовному развитию и физическим нагрузкам, просто не могут

выживать никакие вредоносные микроорганизмы. Следовательно, в нашем мире не существует никаких больниц, а также фармакологических фабрик, выпускающих синтетические лекарства для борьбы с всевозможными вирусами и бактериями. Всё, что изготавливают наши кооперативы по этому профилю, так это некоторые антисептики, пластыри и прочую мелочь, которая может понадобиться для обработки и лечения травм и повреждений кожи. В каждом же населённом пункте есть здравница, где любому могут оказать квалифицированную помощь, если человек получил какую-либо травму.

Раз уж я затронул медицину, то скажу пару слов о других отраслях и науках нашего времени, дабы у вас сложилось достаточно полное представление о мире, из которого я попал в прошлое. Так вот, после глобальной войны, которая, несмотря на старания многих здравомыслящих людей, всё же прокатилась по всей планете, цивилизация прекратила движение в сторону развития искусственного интеллекта и прочих технологий, прямо или опосредованно влияющих на развитие самого человека. Постепенно восстанавливаясь и приходя в себя после мировой катастрофы, оставшееся человечество вернуло себе лишь производство необходимых в быту предметов, облегчающих труд и позволяющих высвободить время для саморазвития. Всё, что выпускается промышленностью, строго регламентировано, так как продукция делается, практически, вечной. Это позволило избавиться от тонн мусора, который в прошлом был сродни пандемии. На уроках истории в наших школах рассказывают о том, как планета засыпалась отходами из-за того, что всё, производимое на заводах и фабриках, выработав небольшой гарантийный срок, тут же приходило в негодность, и человеку вновь и вновь приходилось покупать нужную ему вещь. К тому же выросшее у людей сознание и уверенность в завтрашнем дне больше не заставляли его заниматься накопительством и приобретать что-либо впрок. Уменьшение производства ненужных предметов и продуктов питания повлекло за собой сокращение трудового дня, который у нас теперь составляет всего четыре часа, при пятидневной рабочей неделе.

Немалую роль в развитии нашей новой цивилизации сыграли и пришельцы из далёких звёздных миров. То, что они посещали Землю с того самого момента, когда её поверхность стала пригодна для существования белковой жизни, это вполне реальный факт. Большинство высокоразвитых цивилизаций незримо издавна курируют нашу планету. Через существовавшие в древности порталы они приходили на Землю лично, либо присылали своих голографических двойников. Таких аватаров люди принимали либо за Богов, либо за бесов, в зависимости от степени развитости сознания. Были случаи, когда сущности из высших миров материализовывались в образе человека, становясь среди людей пророками и мессиями. После того как оставшееся население планеты сменило материалистический подход к жизни на духовный, появилось много контактёров, которые напрямую общались с высокоразвитыми цивилизациями, проживающими далеко от Земли. Благодаря полученным от них знаниям, мы совершили громадные скачки в своей эволюции и эволюции сознания.

Что осталось неизменным во все времена, так это то, что к каждому появившемуся на свет младенцу сразу же приходит духовный наставник из более развитой Галактической цивилизации и незримо сопровождает всю его жизнь. В тёмные времена, когда человечество утратило способность их видеть и слышать, в них всё равно верили и называли ангелами-хранителями. В наше же время, при желании, любой может не только видеть, но и общаться со своим духом-куратором. Только не подумайте, что тот теперь выполняет за вас всю мыслительную работу и избавляет от любых трудностей. Скорее даже наоборот. Он пристально следит за тем, чтобы ребёнок, а в дальнейшем и взрослый человек, развивался максимально гармонично как умственно, так и физически. Если ответ на вопрос, заданный такому наставнику, будет тормозить ваше развитие, то ответа на него вы никогда не получите. В заключение «космической» темы скажу, что с недавних пор люди нашего времени начали обнаруживать вновь появляющиеся на планете порталы для перемещения в любую точку Вселенной. После этого сама собой

отпала всякая нужда в развитии космической промышленности. Попасть в иные Земли стало очень легко, но пока что это может осуществить лишь специально подготовленный человек. Однако сам факт того, что это возможно, весьма эффективно стимулирует всех желающих попутешествовать к более интенсивному развитию своего мозга и своего тела.

Предложение профессора Здравомыслова быть первым участником программы ретроградной инкарнации не было для меня чем-то неожиданным. В работе над проектом в нашем коллективе, состоявшим из девяти человек (это очень важно), никогда не существовало никаких тайн и недомолвок. Как я уже говорил, чтение мыслей в наше время было обычным умением любого индивидуума, и поэтому всевозможные тайные заговоры и интриги, имеющие место быть в былые времена, теперь казались наивными и смешными. Наша группа начала подготовку к эксперименту задолго до его начала. Всего на место первопроходца имелось два человека: я и Всеволод Сафронович Кожемякин, мой товарищ. Во-первых, фамилии, имена и отчества по сумме букв у нас составляли нужную нам цифру, а, во-вторых, в четыре тысячи двадцать третьем году нам обоим исполнилось по тридцать шесть лет. Возможно, самый внимательный из тех, кто следил за моим повествованием, уже понял, что вся теория нашего любимого профессора была построена именно на нумерологии и в частности на работе с таинственной и магической цифрой «девять». Именно с ней и связано множество метаморфоз нашего мира. Приведу лишь элементарные вещи, которые у нас знает даже ребёнок. Думаю, и ни для кого из вас не секрет, что в отличие от других чисел, если мы девятку умножим на любое другое число, то сумма полученного результата всегда будет равна девяти. То есть, например, девять умножаем на три – получается двадцать семь. Два плюс семь – девять, и так до бесконечности.

Другой пример можно привести из нашей десятичной системы счисления, которая по факту является девятичной. Вы все привыкли, что ведёте счёт до десяти, но если внимательно рассмотреть цифры, то окажется, что на самом деле счёт ведётся только до девяти, а затем он вновь повторяется. Как это так, спросите вы? Элементарно! Цифра десять, которая идёт за девяткой, даёт в сумме единицу, то есть один плюс ноль. Цифра одиннадцать, один плюс один – двойку, цифра двенадцать… ну, надеюсь, вы поняли. То есть цифра восемнадцать даёт девятку, а сумма цифр числа девятнадцать что? Правильно, вновь единицу – начало отсчёта!

К чему я всё это рассказываю? А к тому, что именно профессор Здравомыслов, отдав изучению практической нумерологии многие десятилетия своей жизни, раскрыл ещё один секрет магической цифры. Давно известно, что ничего в мире не происходит спонтанно. Все события имеют под собой определённую основу, заложенную либо ранее нами самими, либо подаренную высшими существами, решившими, что человек созрел для того, чтобы всё осмыслить и правильно отреагировать. Озарение пришло Владимиру Владимировичу внезапно и волной распространилось по всей планете. Несмотря на то, что знание получил каждый житель земли, никто и не подумал присвоить это изобретение. Развивать и применять имеет право только тот, кому первому пришла эта мысль. Если вы спросите, в чём именно состояла находка профессора, то я не смогу ответить. Не потому, что не знаю, а потому, что рассказывать не имею права. Человечество в вашем времени ещё не готово без вреда для себя получать такого типа знания. Сейчас же я только дал небольшой намёк. Единственное, что я могу ещё добавить, так это то, что наши очень далёкие предки, как свидетельствует историческая наука, прекрасно владели магией и, конечно, знали мистические свойства числа «девять». Эти знания отразились в древних легендах и сказках. Вспомните хотя бы выражения: в Тридевятом царстве, за Тридевять земель…

Итак: в год четыре тысячи двадцать третий, сумма чисел которого равна девяти, я, Пересвет Владиславович Драгин, сумма букв равняется девяти, в возрасте тридцати шести лет, сумма чисел – девятка, занял удобное положение в специальной барокамере, и моё сознание

перенеслось в чрево тридцатишестилетней женщины, проживающей в тысяча девятьсот шестьдесят втором году, сумма чисел…

Глава 2

Девять месяцев внутриутробного развития показались мне вечностью. Возможно, это можно было бы сравнить разве что с тюремным заключением, о котором я читал в исторической литературе (в нашем развитом мире такое явление как преступность было полностью изжито, поэтому мои представления об этом и сравнения, скорее всего, будут не совсем корректными). Моим единственным развлечением в пренатальный период[1] было «подслушивание» того, что происходило, так сказать, извне. Голос матери я запомнил сразу, и он мне очень понравился. Говорила она всегда не громко, и от её слов веяло теплотой и спокойствием. Звали мою мать Ларисой, но мой отец, Николай Петренко, обычно называл её Ларочкой. Отчество родителей я некоторое время ещё не знал, а вот фамилия была на слуху, из-за того, что мамочка, обращаясь к отцу, частенько говаривала: «Петренко, сходи туда; Петренко, купи то; Петренко, ну сколько раз тебя можно просить…»

В том мире, откуда я пришёл, как и в очень глубокой древности в обществе существует варновая[2] система. В этом нет ничего удивительного, так как по такому принципу устроены многие обитаемые звёздные миры. С раннего детства специалисты определяют, к какому виду деятельности наиболее склонен ребёнок, и родителям даются необходимые рекомендации по воспитанию их чада. Поэтому у нас не вызывает никаких вопросов то, что иногда более молодой человек руководит группой людей гораздо старше себя. И это не потому, что он просто окончил одно из высших учебных заведений, или его родители имеют какое-то влияние и вес в обществе. Каждый человек в нашем времени занимает место строго по своим способностям, по варне, и никакие заслуги родителей и количество высших образований не влияют на занимаемую им должность. Нужно отметить, что в будущем люди низшей варны, к которой, как мне стало понятно, принадлежали и мои новые родители, даже и не пытались поступать в высшие учебные заведения. Окончив к двенадцати годам основной курс обучения в школе, человек проходил специальную подготовку, согласно выбранной ещё в раннем детстве специальности. На это уходило ещё несколько лет, в зависимости от сложности выбранной профессии. К шестнадцатилетию человек уже был полноценным гражданином, имеющим специальность и все надлежащие ему права и обязанности.

По поводу того, что я был зачат не в семье каких-нибудь ведунов, а у простых работяг, я даже не переживал. Во-первых, моё сознание пришло из другого мира, и гены родителей могут повлиять разве что на физиологию, а во-вторых, я прекрасно понимал, что человек любой варны может получать благодарности за свой труд, если он будет относиться к нему со всей душой и с полной самоотдачей.

Насколько я понял немного позже, в Советском Союзе к варновому делению относились очень негативно. Главный лозунг, пропагандируемый в то время: «Свобода, равенство, братство», по своей сути был утопичным. Несомненно, все люди должны быть свободны в проявлениях своей воли, и все они, если не братья, то являются малой частичкой единой Вселенной. Однако равными они никогда не были и не будут, при каком бы строе и в какие бы эпохи они не жили. Ну не может человек, у которого предназначение жизни – мыть посуду, занимать должность министра, которая по варне соответствует витязю или даже волхву. У него просто нет для этого врождённых способностей. Соответственно мыслить, а значит, и жить, он будет по иному, не так как другие. У него неизменно будут иные потребности и желания. Непонима-

---

[1] Пренатальный период – промежуток времени с момента оплодотворения яйцеклетки до рождения ребёнка. У человека составляет 280 дней или 40 недель.

[2] Варны – Славяно-арии делили людей по естественному эволюционному развитию на четыре варны: ведуны (волхвы), витязи, веси и труженики. И хоть эта традиция очень древняя, она применима и сегодня для определения уровня развития Души. Наши предки все варны считали равными. Никто не был выше или ниже, потому что все проходили через этот Путь.

ние сути этого вопроса в большинстве случаев приводило к тому, что люди этого временно́го периода занимали должности и места на производстве вовсе не по своему предназначению и призванию. Из-за этого они выполняли свою работу безграмотно и кое-как, зачастую лишь непомерно раздувая своё эго. Но, как говорят, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, поэтому я понимал, что со многими недостатками этого мира мне придётся мириться и ко многому привыкать.

Если бы не мой неугомонный характер, перекочевавший и в это воплощение, то, в принципе, жаловаться мне было бы, вроде бы, и не на что. Спокойное, безмятежное существование, уютно, тепло, через пуповину регулярно поступают необходимые для жизни питательные вещества – что ещё нужно эмбриону размером с монету? Днём я вместе с мамочкой «ходил» на работу в бухгалтерию, где слушал монотонный стук печатных машинок, да женские пересуды. Говорили там о разном и порой на темы, которые для меня казались довольно странными. Когда речь заходила о новом произведении, прочитанном в последнем номере романгазеты, было всё понятно и даже интересно. Разговоры о том, чего вкусненького приготовить и обсуждение рецептов, помогали мне расширить представление о разнообразии рациона в этот временно́й период. Но непонятно и даже противно мне становилось тогда, когда начиналось, как выражались в этом коллективе, перемывание косточек: непосредственной начальнице Зинаиде Яковлевне, вышестоящему начальству, своим близким и дальним родственникам, всевозможным знакомым и знакомым этих знакомых… Слушая всё это, я недоумевал, как можно не понимать такую простую истину, пришедшую из глубины веков: «Не судите, да не судимы будете…”. В том мире, откуда я пришёл, такие понятия, как осуждать и обсуждать, практически исчезли из лексикона людей. Там все прекрасно понимают, что формулировка, будто бы бытие определяет сознание, выдвинутая каким-то недальновидным философом, оказалась ошибочной и привела к тому, что не только значительно затормозила эволюцию человечества, но и направила по ложному пути. Такой подход к жизни превратил общество из созидателей в потребителей, и это чуть было не погубило всю цивилизацию землян. Когда же люди, наконец, осознали, что именно сознание формирует реальность, в которой мы живём, и мы сами на квантовом уровне программируем свою жизнь, тогда и произошёл настоящий скачок в развитии. Осознав какую силу, а также сколько энергии и здоровья несут в себе слова благодарности, человечество смогло выкарабкаться из той ямы, в которую само же себя и загнало.

В минуты, а порой даже часы обсуждений коллегами моей матери всех и вся, я очень жалел, что не могу каким-либо образом отключиться хотя бы на время, чтобы не слышать всех этих сплетен и домыслов. В данный момент моё сознание не имело возможности гармонично слиться с мозгом из-за банального отсутствия такового. Думаю, что на определённом этапе это всё же произойдёт, и я смогу отключаться от реальности просто погрузившись в обычный сон. Единственное, что меня утешало во время таких вот пересудов, так это то, что моя мать не принимала в них никакого участия. Когда же коллеги пытались хоть как-то втянуть её в разговор, она всегда отвечала односложно и продолжала думать о чём-то своем.

Приходя домой, мама обычно сразу же приступала к готовке еды. Когда мы с ней оставались одни, мне больше всего хотелось узнать, о чём всё-таки она думает. Однако, к сожалению, моя способность к телепатии почему-то не работала, и читать мысли я не мог. Правда, я мог их чувствовать, то есть я прекрасно ориентировался в её психологическом состоянии и понимал, когда ей, например, грустно, а когда тревожно. Частенько, вспоминая свою жизнь в будущем, я начинал сомневаться, а вдруг все свои способности, которыми я обладал там, мне придётся развивать в своём новом теле заново. Сколько это займёт времени и сил, и смогу ли я вообще достичь того, чем владел ранее, ведь страна живёт в пору расцвета атеизма. В это время не только не существует каких-либо курсов по развитию энергетики, через раскрытие энергетических каналов и чакр, как у нас в будущем, здесь, насколько я понимаю, нет даже

элементарных книжек по йоге или другим подобным практикам. Да что там книжек, люди вообще не знают что такое йога и медитация.

К тому времени, когда приготовление ужина было почти закончено, приходил с работы отец. Родители ели, по ходу обсуждая дела на работе и решая семейные вопросы. Затем отец обычно смотрел телевизор или слушал приёмник, мать же занималась своими женскими делами. В это время супруги почти и не общались, лишь время от времени перебрасываясь парой фраз. Когда намеченные дела у мамочки заканчивались, она присоединялась к отцу, чтобы посмотреть какую-нибудь вечернюю передачу или фильм. Благодаря любви родителей к радиоприёмнику и телевизору, которые, по моей догадке, были собраны в одном корпусе, я ещё до своего рождения начал познавать то, как устроено общество, в которое я со временем попаду. Мне интересно было всё, что происходило в стране и за рубежом. Правда, сначала я не совсем понимал что такое заграница. В том времени, откуда я сюда пришёл, не было никаких стран, разделённых границами. Были, конечно, нации, народности, но все жили одним единым государством с единым языком – русским. Все знают, что этот образный протоязык был единственным в глубокой древности, поэтому и в том, что люди вновь вернули его значимость и понимание сакральности, нет ничего удивительного.

Иногда, когда мать оставалась одна, она пела лирические песни. И хотя все они мне были незнакомы и непривычны, почему-то на душе всегда становилось легко и приятно, словно при встрече со старыми друзьями. Голос у матери был звонкий и мощный, но из-за своей врождённой стеснительности, она старалась петь не очень громко.

В то время, когда моё тело только начинало формироваться, у современных медиков не было никакой возможности исследовать плод. Подготавливаясь к своей инкарнации, чтобы иметь более полное представление о всех процессах, протекающих в организме беременной женщины, я прочёл много книг по акушерству и гинекологии. В моём мире контролем за внутриутробным развитием малыша занимались специалисты, умеющие без всяких приборов «заглянуть» в живот будущей мамочки и определить: всё ли там в порядке, и какого пола будет ребёнок. Однако к ним обращались очень редко, так как, во-первых, женщина и сама становилась очень чувствительной ко всему происходящему в её организме, а, во-вторых, какие-либо патологии в здоровом и подготовленном к беременности теле возникали ну крайне редко. Тем не менее я с удовольствием и несомненной пользой пообщался с одной из представительниц данной профессии.

В мире, куда я попал, у женщин абсолютно отсутствовала способность чувствовать своё тело, точнее его внутреннее состояние. Посему моя мамочка, которой так же, как и мне в моей прошлой жизни, исполнилось тридцать шесть лет, и которая уже потеряла надежду заиметь ребёнка, ещё долгое время принимала раннюю беременность за затянувшуюся менопаузу. Всё прояснилось лишь тогда, когда её вдруг начало подташнивать, и резко поменялись старые пристрастия к еде. Почувствовав «что-то неладное», она отпросилась на полдня у главбуха Зинаиды Яковлевны и посетила гинеколога.

– Да вы, милочка, беременны, – весело сообщил приятный мужской голос.

– Но, как же… – начала было мать, но вдруг умолкла и тихонько заплакала.

Вот тогда, в тот самый миг, я буквально каждой своей клеточкой ощутил что такое настоящее человеческое счастье. В моё ещё не сформированное тельце хлынул такой поток гормонов, что вместе с мамочкой я пребывал в эйфории до самого вечера. Вечером я получил ещё одну дозу гормонов счастья после того, как мать поделилась новостью с моим папашей. Мне вдруг показалось, что я очутился в невесомости, так как отец подхватил свою супругу на руки и начал неистово кружить с ней по комнате. Затем, опомнившись, он бережно поставил её на пол и строго приказал, чтобы она с этого дня была очень осторожна и не поднимала ничего тяжёлого.

Этой ночью, когда все уже спали, я, погружённый в состояние безмятежности и спокойствия, вдруг встрепенулся от непонятного звука. Это были какие-то робкие и неуверенные стуки внутри моего малюсенького тельца. «А я уж и забыл совсем!», – мысленно хлопнул себя условной рукой по условной голове. За время моего пребывания в чреве я, честно сказать, немного отвык от того, что в груди у каждого человека работает неутомимый метроном, не на секунду не прекращающий задавать ритм нашей земной жизни. Нет, биение сердца матери я, конечно, слышал превосходно, но своего-то ещё не было. Первые дни моё сердечко билось как-то нерешительно, постоянно сбиваясь с темпа. Поначалу это меня немного беспокоило, но, со временем, освоившись с отведённой ему обязанностью, сердце стало работать ровнее и чётче. По прошествии ещё нескольких недель у меня, наконец, появились нормальные руки и ноги, и я с удовольствием начал их разминать. Будь моя мамочка более чувствительной, она бы, вероятно, очень удивилась, что у неё в животе на таком раннем сроке живёт такой вот егоза. Однако она была обычным человеком без всяких суперспособностей, а я был ещё слишком маленьким, чтобы мои движения можно было без этих способностей ощутить. К тому же мать целыми днями была постоянно чем-то загруженна: на производстве – работой, дома – домашними делами. Так что мои ранние физические упражнения ещё долго оставались незамеченными, ведь, по сути, я всё ещё был эмбрионом. Плодом меня начали именовать чуточку позже.

С развитием нервной системы, а произошло это, приблизительно, на девятой неделе, я уже не просто шевелил конечностями и головой, но начал чувствовать места, которыми прикасался к телу матери. После завершения формирования мозга, я ощутил будто моё сознание, до сих пор витавшее где-то около моего маленького тельца, вдруг заключили в барокамеру. Теперь я уже смог конкретно идентифицировать себя с тем, в кого инкарнировал. Уже будучи почти что полностью похожим на обычного ребёнка со своими внутренними органами и интенсивно развивающимся мозгом, мне не хватало самой малости – ума. «Интересно, – думал я, – как этот хитрец поведёт себя после моего рождения?» Если верить тому, что писали в учебниках истории, то люди этой эпохи зачастую путали подсказки своего подсознания с мыслями, генерируемые умом. Они совершали массу ошибок, принимая его консервативные идеи за единственно правильные и верные, даже не задумываясь, откуда они приходят. В большинстве случаев громкий голос ума брал верх над тихим шёпотом интуиции, и человек, как обычно, сворачивал вовсе не на ту дорогу, на которой его ждало счастье. Опытные манипуляторы в эти времена успешно пользовались такой наивностью, граничащей с глупостью, и незаметно подсовывали в головы ничего не подозревающих граждан свои программы и установки. Именно так, овладев запрограммированными умами людей, и совершались в те далёкие эпохи все общественные неурядицы и кровопролитные войны.

На одиннадцатой неделе я почувствовал некоторый дискомфорт в теле. Сначала я не мог понять, что именно мне его причиняет? Немного поразмыслив, я пришёл к выводу, что всему виной недостаточно правильное питание моей мамочки. Как следствие, возникли дефициты минералов и микроэлементов, которые и привели к нежелательным симптомам. Естественно, что будучи обычным бухгалтером, мать вряд ли имела хоть какие-то представления о том, какие продукты необходимо включить в свой рацион для гармоничного развития плода. Рекомендации, получаемые от врачей, у которых она наблюдалась, были весьма пространными и расплывчатыми. «Вам надо хорошо питаться… Вам надо больше бывать на свежем воздухе… Вам надо есть больше витаминов…» Что значит хорошо питаться, и какие именно витамины нужны, для неискушённого человека оставалось под вопросом. Это у нас в будущем девочки ещё со школьной скамьи учатся не только шить, вязать и готовить здоровую пищу. Ни одной девушке не позволят выйти замуж, если у неё неудовлетворительно по предмету «Семья и дети». Мало того, родители жениха, перед тем как пустить в дом невестку, сами не раз проверят, насколько хорошо она подготовилась к семейной жизни и к рождению их внуков

в частности. Воспитанию и образованию подрастающего поколения в наше время уделяется первостепенное значение. Здесь же, если судить из разговоров сотрудниц бухгалтерии, а также тех людей, с которыми пересекалась моя мать вне работы, с воспитанием детей дела обстояли из рук вон плохо. Мало того что их воспитывали одинаково, независимо от его жизненного предназначения, так взрослые ещё и потакали всяческим капризам и даже вредным привычкам. «Ну что ж, – рассуждал я, – придётся самому восстанавливать своё здоровье и иммунитет. Видимо, такова моя карма в этой жизни». На будущее у меня с каждым днём накапливалось всё больше и больше нерешённых вопросов и намеченных мероприятий.

Однажды утром, а смену дня и ночи я ощущал как на уровне интуиции, так и по тому что происходило извне, я вдруг проснулся. Нет, не так, а я ПРОСНУЛСЯ! Наконец-то моё сознание начало гармонично сливаться с тем существом, в котором оно жило. «Ну, слава Богу! – с облегчением вздохнул я. – Теперь, когда моя сущность обрела умение спать, я смогу хоть на время отвлекаться от того, что происходит вокруг». Спать мне очень даже понравилось, тем более что делал я это помногу и подолгу. Теперь меня уже меньше волновало то, что творилось за пределами моей уютной камеры, так как я в любое время мог просто отключиться на продолжительное время. Однако теперь меня начала беспокоить мысль, а не вырасту ли я этаким лентяем, который кроме как поспать да поесть не будет ничего больше любить. Хорошо быть обычным ребёнком, который в эту пору ещё ничего не соображает, а что делать мне с моими мыслями?

– Коля! – вдруг разбудил меня как-то ночью взволнованный голос матери.

– Ну чего? – недовольно пробурчал отец, так как будильник ещё не прозвонил, и ему, видимо, очень хотелось спать.

– Послушай! – воодушевлённо прошептала супруга. Я почувствовал, как на живот матери плюхнулось что-то тяжёлое и замер.

– Ну? – всё ещё не понимая, зачем его разбудили, буркнул батя.

– Она шевелится!

– Кто она? – отец спросонку явно не разделял восторга матери и никак не мог понять, чего от него хотят.

– Ну, дочка наша, – настойчиво продолжала объяснять матушка.

«Какая ещё дочка?» – возмутился и я в свою очередь и с досады пнул ногой по придавившей меня ладони.

– Ух ты! И правда шевелится! – теперь уже и отец, почувствовав толчок, проявил свои скупые эмоции. – Только у нас будет не дочка, а сын, – категорически заявил он.

– Почему это?

– Потому, что… – скупо ответил папаша.

– Ну хорошо, Петренко, тебя не переубедишь, – согласилась с ним супруга. – А как мы его назовём? – мечтательно добавила она.

– Ларочка, давай утром поговорим, а? – взмолился отец. – Дай поспать ещё немного.

Родители замолчали. Вскоре я услышал равномерное тяжёлое сопение отца, а вот мать так больше и не уснула до самого звонка будильника.

Глава 3

– Здравствуй, Пересвет! – услышал я сквозь сон знакомый голос.

Мне как раз снился профессор Здравомыслов с его вечно топорщащейся шевелюрой седых волос и ясным проницательным взглядом. Он, как всегда, с воодушевлением пытался мне что-то объяснить о той эпохе, в которую я должен буду инкарнировать, а я ему доказывал, что он в этот раз ошибается, и что там вообще всё не так, как он думает. Сон оборвался в самый разгар спора, и я ещё некоторое время никак не мог понять, что явилось причиной моего пробуждения. Я инстинктивно, как в моей взрослой жизни, протёр своими крохотными кулачками глаза, но, естественно, ничего не увидел.

– Что, не признал? – насмешливо поинтересовался тот, кто меня разбудил.

– Селур?! – мысленно произнёс я, вспомнив певучий голос своего духа-куратора. Именно он был дан мне с рождения и сопровождал меня все мои тридцать шесть лет, пока я не «нырнул» в прошлое.

– Далече же ты забрался, – вроде бы укоризненно, но с явным оттенком веселья произнёс мой куратор.

– Ты знаешь, я почему-то думал, что в этой жизни мне дадут нового наставника, – немного растерянно сообщил я.

– С чего бы это? – удивился дух. – Твоё тело ведь не исчерпало свои резервы и не прекратило своё земное существование. С чего бы тогда тебе давать кого-то другого?

– А ты что, правда, меня искал?

– А чего мне тебя искать? – ухмыльнулся Селур. – Ты что, всё позабыл?

– А что я должен помнить?

– Хотя бы то, что для нас, тонкоматериальных существ, такого понятия как время не существует. Это абстрактное понятие, которое присутствует только в материальных мирах.

– Ах, вот ты про что… Извини, вылетело из головы. Ты бы здесь пожил маленько, да послушал, что говорят о таких существах, как ты…

– Да знаю, чего здесь говорят, – я явственно представил, как мой куратор небрежно отмахивается рукой. – Я, Слава Всевышнему, живу не первую сотню тысяч лет и мне знакомы и эта эпоха, и всё, что было до неё. Так что был у меня подопечный и в эти годы.

– А кем он был? – заинтересовался я, так как в моём времени мы с Селуром никогда не затрагивали тему о том, кого он сопровождал кроме меня.

– Да обычным человеком, каких здесь больше всего. Такой себе невзрачный мужичок рабочей профессии. Дом, семья, работа… По выходным телевизор, летом домино во дворе с другими мужиками.

– Домино? – переспросил я, так как слово мне было незнакомо.

– Игра такая популярная в это время была. Играли только мужчины, женщин, практически, никогда не видно было.

– Очень опасная? – поинтересовался я, чтобы заранее прояснить себе и этот аспект жизни людей в этот период времени.

– Не-е-е-т, – весело протянул дух. – Сидят себе четыре человека, костяшками по столу стучат да бранятся друг на друга, почём зря. Видимо, женщин это обстоятельство и отпугивало от стола. В то время, то есть в это, – поправился Селур, – у женщин ещё были какие-то понятия о нравственности. Это потом, чуть позже, их будто подменили…

– И когда это случилось? – заинтересовался я.

– Поживёшь – увидишь.

– Ну хорошо, в общих чертах я понял… Подробнее узнаю, когда подрасту.

– Правильно мыслишь, – похвалил куратор, – а пока…

– Что-то Петенька сегодня беспокойный, – прервал нашу беседу голос матери. – Толкается всё время.

Я действительно, от радости, что у меня вновь появился мой старый добрый дух-куратор, с которым можно пообщаться, совсем позабыл где нахожусь, поэтому вовсю размахивал руками и ногами.

– Какой ещё Петенька? – послышался недовольный сонный голос отца.

– Ну, сыночек, Петенька…

«Вот ещё, придумала имечко», – мысленно возмутился я. Ещё сам того не понимая, я был сейчас свидетелем таинства имянаречения. В моём мире это было действительно сакральное действо, ведь имя могло многое сказать о человеке, но здесь… В этом времени люди называли детей, так сказать, наобум. Какое имя приглянется, так и нарекали своё чадо, а оно, в смысле чадо, уже пускай само расхлёбывает по жизни последствия их безграмотности и безответственности. Почему мне не понравилось имя Петя, я и сам не знал, но, к счастью, отец меня поддержал.

– Ты бы ещё со своей мамочкой посоветовалась, да вместе придумали бы какого-нибудь Поликарпия, чтобы над пацаном потом весь двор смеялся, – пробурчал батя. Что он имел ввиду, упоминая мою будущую бабулю, я узнал чуть позже, а пока я был просто ему благодарен.

– Ну а что? – надулась супруга, – Чем Петя плохое имя?

– Нет, – теперь уже категорически заявил мой родитель. – Сына Виктором назовём! Виктор Николаевич Петренко. Звучит?

– Ну хорошо… звучит, звучит, – покорно согласилась мать и, аккуратно повернувшись на бочок, обняла мужа. – Витя так Витя.

– Спи, – зевая, сказал отец. – Давай хоть в воскресенье выспимся.

Через некоторое время послышалось равномерное сопение главы семьи. Вскоре уснула и мамочка.

– Селур, ты здесь? – больше не делая резких движений, спросил я.

– А где ж мне быть, – хмыкнул дух. – Мы теперь с тобой не разлей вода до конца твоих дней.

– Ладно, тогда я тоже посплю ещё.

– Спи, чего тебе ещё делать.

– А ты мне ещё чего-нибудь про это время расскажешь?

– Э нет, брат, – возразил мой куратор. – Ты в эту авантюру сам ввязался, сам и постигай этот мир на своей шкуре. Я, конечно, чем смогу – помогу, но сам понимаешь, всё в пределах разумного. Так что спи, набирайся сил и познавай этот мир, так сказать, изнутри.

Дух хохотнул и замолчал. Вообще, духи-кураторы, по моим наблюдениям, очень даже весёлый народ. И пошутить любят, и даже иногда разыграть своего подопечного, если этот розыгрыш будет способствовать его росту. Недолго думая, я погрузился в сладкий сон. Сколько прошло времени мне неизвестно, только вдруг во мне проснулось знакомое из «прошлой» жизни чувство тревоги. «Ага, – подумал я, – значит, не все мои способности отключились. Кое-что всё-таки осталось». Я прислушался к своим ощущениям. То ли моё воображение разыгралось, скорее всего, так оно и было, но мне показалось, что я вижу тень какого-то существа, находящегося не где-нибудь, а тоже в животе у матери. Моё тело ещё было не настолько подвижным и мобильным, чтобы запросто вертеться во все стороны и видеть, что происходит вокруг. Но я чувствовал, что опасность находилась где-то совсем близко.

Все мои сформировавшиеся к этому времени органы чувств напряглись до предела. «Не хватало ещё помереть, так и не повидав свет», – мелькнула в голове пессимистическая мысль. Я попытался сделать движение, чтоб заглянуть себе за спину, но не успел – прямо перед моими глазами возникла огромная прозрачная медуза. Она выплыла откуда-то сбоку и неподвижно замерла напротив моей головы. Я знал, что, как таковых, глаз у этих существ нет,

но мне почему-то казалось, что медуза смотрит на меня, как хищник на добычу, попавшую в капкан. Появление этой твари породило во мне состояние нервной нестабильности. «Что за ерунда? – мысленно выругался я. – Откуда она здесь могла взяться? Может, мамочка съела какую-то личинку, или чем там медузы размножаются?»

Медуза по своей форме напоминала гриб с множеством свисающих со шляпки нитей. Поскольку она находилась не в подвижных водах океана, а в стабильной среде, то она замерла на месте, практически не двигаясь. Я всё сильнее ощущал своим организмом, как она «прощупывает» меня, посылая в мою сторону свои невидимые ультразвуковые волны. Попытка просканировать намерение медузы, мне ожидаемо не удалась – эта способность у меня так и не появилась. Смотреть же на чудовище и ждать, пока оно со мной чего-нибудь сотворит, я тоже не собирался. То что это не какой-нибудь симбиотный организм, а хищник, я чувствовал даже не имея никаких суперспособностей. Существо явно попало в околоплодные воды не из лучших побуждений. Размышлять было некогда, поэтому, согнув как можно больше правую ногу в колене, я, изловчившись, что есть силы пнул медузу в её голову. Однако моя малюсенькая и ещё не очень окрепшая конечность просто погрузилась в тело моллюска, будто в густой кисель, не причинив ему никакого вреда. Чудовище же смекнуло, что от меня исходит угроза, и сначала переместилась чуточку выше, а затем, сделав стремительный рывок, открыла пасть и заглотила моё беспомощное тельце. Меня тут же обволокла противная склизкая масса. Я оказался скованным со всех сторон стенками желудка этой твари и только тонкий шнурок пуповины путеводной нитью уходил куда-то за пределы существа. Очутившись в ловушке, я отчаянно начал барахтаться, пытаясь махать руками и ногами, но, видимо, сделал себе ещё хуже. Желудок медузы стал интенсивно выделять пищеварительную жидкость, и моё тельце начало медленно в ней растворяться. От ужаса я готов был заорать, однако и на это был ещё не способен, так как мои лёгкие были заполнены жидкостью, да и голосовые связки не были до конца сформированы. «Вот тут тебе, Витя-Пересвет, и капец пришёл, – подумал я. – Что ж мне так не повезло-то?» Мне не было больно. Видимо, слизь медузы содержала в себе не только кислоту, растворяющую живую плоть, но и какой-то наркотик. Так что я, медленно растворяясь, кроме ужаса ничего больше не чувствовал. Я напоследок дёрнул ещё несколько раз ногами и… проснулся. Если бы я не знал, что моё тельце находится в околоплодных водах, то я бы подумал, что облился холодным потом.

– Ну что ты у меня сегодня такой неспокойный? – услышал я нежный и заботливый мамочкин голос. – Что тебе там не лежится?

«Полежишь тут, – буркнул я мысленно в ответ, постепенно успокаиваясь и приводя после увиденного кошмара в норму своё сердцебиение. – Привидится же такое… Интересно, чего всё-таки моя мамочка на ночь ела? Явно опять намешала сладкого и солёного, а мне из-за неё теперь кошмары снятся». Я попытался припомнить вчерашнюю вечернюю трапезу родителей, но потом пришёл к выводу, что в это время я, как обычно, спал и не слышал, как и что они ели. Это был первый страшный сон, который приснился мне после моего переселения в этот мир, и, думаю, я его запомню, если не на всю жизнь, то точно надолго. Спать после всего увиденного мне как-то перехотелось, впрочем, как и моим родителям.

– Коля, перестань, – вновь услышал я голос своей мамочки. – Что ты надумал?

– Да мы аккуратненько, – послышался взволнованный шёпот отца.

«Всё ясно, – подумал я, – бате за пять месяцев воздержания стало невтерпёж. Вот только этого мне ещё не хватало!»

– Петренко, – переходя на громкий шёпот, запротестовала мать, – ты с ума сошёл, что ли? Какое может быть аккуратненько? Мы уж не надеялись, что у нас что-то получится, а ты хочешь, чтобы всё полетело к чёрту? Даже и не мечтай! – категорично заявила мамочка.

– Ну, Ларочка, – уже более неуверенно произнёс отец.

– Никаких Ларочек. Спи.

– А давай у него спросим? – В голове у изголодавшегося по женской ласке супруга возникла новая идея.

– У кого у него? – не поняла его вопроса мать.

– Ну, у Витька.

– Петренко, ты совсем дурак или притворяешься?! О чём ты собрался спрашивать у ребёнка?

– Можно нам ещё этим делом заниматься или уже нельзя?

– Нет, у тебя точно что-то в голову ударило, – культурно ругнулась мамочка. – Спрашивать у ребёнка такие вещи!

– А что тут такого? – удивился отец. – Ему ж виднее, что для него вредно, а что нет.

– И как ты у него собираешься спрашивать? – ехидно заявила мать.

– А так и спрошу… – оживился батя. – Если можно, то пусть один раз толкнёт, если нельзя, то два раза…

– Петренко, – вздохнула женщина, – я не думала, что ты у меня такой придурок. Потвоему, он что, уже считать умеет?

– А вдруг? – не унимался отец.

Матери, видно, и самой стало интересно, как её супруг собирается договариваться с ещё не родившимся ребёнком, поэтому она сказала:

– Хорошо, попробуй.

И тут же где-то возле самого живота, я услышал тихий мужской голос.

– Витюша, ты меня слышишь? – Пауза. – Витёк, ты как там? – Снова пауза и смешок матери. – Скажи сынок, а ты не против, если мы с мамой того… ну, ты сам понимаешь… – Мать хмыкнула ещё громче. – Если не против, то толкни ножкой один раз, а если против – тогда два раза.

Я ощутил как на живот мамочки опустилась тяжёлая мужская ладонь. Чтобы батя ещё чего-нибудь не придумал, я, не раздумывая, пнул по его руке два раза. Тут уже мамочка не стерпела и разразилась таким хохотом, что не могла успокоиться несколько минут. Когда же судорожные подрагивания её тела, наконец, прекратились, я различил недовольный голос отца.

– Это, наверное, всё-таки не пацан, а девка. Не мог пацан меня не понять. Это вы, женщины, всё между собой чего-то мутите, да хитрите…

– Спи уже, «пацан», – передразнила его мамочка. – Когда родится, тогда и посмотрим, кто тебе запретил то, чего «ты сам понимаешь». – И она вновь залилась весёлым смехом.

Я услышал, как заскрипела кровать, видимо, батя отвернулся от несговорчивой супруги. Но только спустя минут двадцать стало слышно, как он равномерно засопел.

С появлением моего духа-куратора мне стало проще переносить все трудности моего пребывания в «неволе». И хотя Селур не часто меня посещал, но, когда мне становилось особенно тяжко, он тут же появлялся, и мы подолгу с ним о чём-нибудь беседовали. Я постепенно рос, прибавляя как в весе, так и в сантиметрах, и вскоре, несмотря на нежелание, мне пришлось занять окончательную позу, то есть перевернуться вниз головой. Я в своей «прошлой» жизни, как и все люди в нашем обществе, был довольно спортивным человеком и в свои тридцать шесть выглядел лет на двадцать пять – тридцать. Но пробыть несколько месяцев в таком непривычном для обычного человека положении, оказалось не так-то просто. Физиология моего тела, конечно, работала отлично, как и было задумано природой, но вот мне, как личности, которая всё прекрасно осознавала, приходилось терпеть эти мучения. Благо мать, после того как прошла тридцать вторая неделя беременности, оформила на работе декрет, и теперь, находясь дома, стала чаще отдыхать лёжа на диване. Тогда и мне становилось чуть полегче, ведь и я вместе с ней занимал более удобное горизонтальное положение.

За две недели до предполагаемых родов мамочку, как «старородящую» и попавшую в зону риска, положили в больницу на сохранение. Теперь большую часть времени она лежала,

что давало и мне возможность насладиться жизнью, но я чувствовал её волнение, которое вполне естественно передавалось и мне. Я-то прекрасно знал, что всё пройдёт нормально, но вот «заботливые» лекари этого времени так настращали женщину поздними родами, что я физически ощущал, как она напряжена.

Начальная фаза нашего с профессором грандиозного эксперимента подходила к концу, и я практически всё время, когда не спал, только и размышлял о том, как сложится моя жизнь вне живота матери. Мне чертовски сильно хотелось увидеть наконец своих родителей, но не менее интересовало и то, как буду выглядеть я сам. Вряд ли я буду похож на себя из той моей незаконченной жизни, ведь теперь родители были совсем другие… Это обстоятельство меня тоже немного обескураживало… Как это – при живых и здоровых родителях в будущем, иметь ещё одних законных здесь, в прошлом.

Чем ближе мы с мамой подходили к заветной дате, тем медленнее тянулось для меня время. Порой мне казалось, что оно совсем остановилось. Я пытался отвлечься на что-нибудь другое, но мои мысли неизменно и настойчиво возвращались к девятому сентября – дате, в которой я нисколько не сомневался, в отличие от врачей, конечно. У тех – срок моего рождения был назначен ориентировочно на начало месяца.

Глава 4

Как я уже говорил, пребывая в животе своей мамочки, я много размышлял о том, как буду жить после своего рождения. Однако родившись, я понял, что для того, чтобы жить, нужно сначала выжить в условиях роддома. То, что я знал о рождении детей в своём времени, и то, что прочувствовал всем своим существом здесь, не шло ни в какие сравнения. Моё девятимесячное «заточение», которое я мужественно переносил и завершения которого так ждал, во время родов мне показалось счастливейшим временем в моей нынешней жизни. Издевательства над моим маленьким беззащитным тельцем начались уже с того момента, когда я только-только начал покидать место своего обитания. Благодаря «мудрым» и «всезнающим» эскулапам, которые наблюдали мою мать во время беременности и постоянно напоминали ей о её возрасте и о возможных проблемах во время родов, она так боялась рожать, что когда начались схватки, в её и так зажатом ментальными блоками теле, все мышцы напряглись ещё сильнее. Я своим маленьким и мягоньким тельцем ощутил, как всё вокруг меня просто окаменело. Изнутри мне казалось, что организм мамочки приготовился к отражению какой-то неизвестной агрессии. Естественно, родовые пути сузились, и я, лишь только моя голова кое-как выглянула наружу, натуральным образом застрял. Мало того, что по моим глазам резанул непереносимо яркий свет, а уши закладывало от громких болезненных криков матери, так за мою несчастную голову, череп которой был таким же мягким, как и все остальные косточки, ухватили какими-то щипцами и принялись помогать мне двигаться дальше. Было ощущение, что эти ироды в медицинских халатах, белизну которых я только и мог рассмотреть сквозь слёзы и слизь, застилающие глаза, решили оставить меня без головы. От боли я на некоторое время потерял ощущение реальности и впал в какой-то транс.

Однако, на этом издевательства надо мной не прекратились. В чувство меня привела резкая боль, пронзившая моё тело. Я сразу даже не сообразил, откуда она исходит. Было ощущение, что болел живот, но не внутри, а снаружи и… как-то вдали, что ли. Вновь приходя в себя после шока, я понял причину этой боли. Как оказалось, это всего-навсего была обрезана пуповина. Лишившись вдруг источника питания и дыхания, мой организм некоторое время пребывал в замешательстве. Он не понимал: почему его вдруг прекратили кормить и откуда теперь брать кислород для жизни. Кроме того, оторванный от энергетики матери и ещё не обладая умением получать энергию из окружающего пространства, я впал в страшную депрессию. В этот миг мне показалось, что весь мир и даже моя мать отвернулись от меня, в голове пронеслись мысли, что я никому не нужен и что брошен на произвол судьбы. В моём мире, для того, чтобы не нанести душевную травму ребёнку, пуповину сразу не обрезают. Малыша для адаптации кладут на грудь матери, и он не испытывает таких страданий, которые впоследствии могут отразиться на его психическом здоровье.

Долго пребывать в депрессивном состоянии мне мои мучители не дали. В следующее мгновение я получил ощутимый и звонкий шлепок по мягкому месту. От неожиданности я вытолкнул остатки жидкости из лёгких и, наконец, сделав глубокий вдох, заорал от возмущения. Почему-то мой крик возымел на извергов совсем не то действие, на которое я рассчитывал. Вместо того, чтобы внять моим словам и ощутить угрызение совести, глаза людей в белых медицинских масках растянулись в довольных улыбках. Врач, державшая меня на руках, тщательно вытерла моё тело от остатков слизи полотенцем, после чего показала моей матери.

– У вас мальчик! – радостно сообщила она моей родительнице, до сих пор пребывающей в небольшой прострации.

Всё происходящее настолько поразило меня и выбило из колеи, что я даже не смог как следует разглядеть лицо своей мамочки. Несмотря на мой тридцатишестилетний опыт, я даже представить себе не мог такого вот «радушного приёма». Как я уже упомянул, в том вре-

мени, откуда я прибыл, роды проходили намного благоприятнее как для ребёнка, так и для его матери. Я, естественно, не знал всех тонкостей, но никогда, ни от одной знакомой женщины не слышал о том, чтобы этот процесс доставил ей хоть какие-либо неудобства.

Не успел я пережить все эти потрясения, как последовали новые. Врач подошла со мной к металлическому столу и уложила спиной на холодную чашу весов. На несколько мгновений я затих, так как моё тело сковало ознобом. Однако, похоже, к тому, что я чувствую и переживаю, здесь никому не было дела.

– Три пятьсот, – громко объявила врачиха, после чего привязала к моей руке приготовленную клеёнчатую бирку и умелыми заученными действиями ловко меня спеленала.

Я оказался в плотном белом коконе, в котором не то чтобы шевелиться – дышать стало трудно. Сделав передышку, я вновь продолжил ругаться и вопить, но, видимо, местные изуверы уже привыкли к такому поведению новорожденных, поэтому не придавали моим крикам никакого значения. Тем более что, несмотря на все старания, я не смог выговорить ни единого нормального слова, чтобы доходчиво объяснить присутствующим, чем именно я недоволен. Мой язык ещё был абсолютно не приспособлен для разговоров, и всё, что у меня получилось выдать из своего горла, так это одно лишь: «У-а-а, у-а-а-а!» Меж тем меня передали в руки другой женщины в белом халате, которая меня куда-то понесла. Поняв всю бессмысленность своего поведения, я прекратил ненужные потуги достучаться до сознания врачей и вдруг вспомнил про волшебную силу благодарности. «Как же так произошло, – думал я, – что я об этом позабыл? – Неужели так сильно воздействует на сознание ребёнка энергетика социума, в котором вращается его мать? Это интересный вопрос, и нужно будет на досуге об этом подумать, и постараться больше не забывать».

Я, как получилось (мимические мышцы лица ещё были не натренированы и меня не слушались), улыбнулся во весь свой беззубый рот. Одновременно мысленно поблагодарил весь медицинский персонал и тех, кто принимал роды в частности, за их нелёгкий и очень важный труд. Не успел я послать Миру добро, как почувствовал себя гораздо лучше и спокойнее. Взглянув на врача, которая как раз меня укладывала рядом с другими новорожденными, я заметил, как в её глазах также вспыхнули лучики безусловной любви ко всему живому на Земле. Её губы скрывала марлевая повязка, но красивые глаза девушки говорили обо всём, а её энергия разливалась вокруг животворящим потоком. Именно так в наше время опытные целители корректировали всевозможные мелкие изменения в организмах пациентов. Это был хороший знак, но, к моему большому сожалению, в таком состоянии она пребывала всего несколько секунд. Через мгновение её возвышенное состояние, будто корова языком слизала, как выражаются люди этого времени. Медсестра спешно, будто в её руках был не ребёнок, а ядовитый скорпион, замотанный в пелёнку, опустила меня на какой-то стол и тут же отдёрнула руки. На столе уже лежало несколько моих «коллег», и левым боком я упёрся в одного из них. Во взгляде девушки царила непонятно откуда взявшаяся паника и даже испуг. Вначале я не понял, что заставило её выйти из состояния благости и любви. Таких последствий на посыл благодарности я ещё не встречал. В моей настоящей жизни люди всегда, без исключения, реагировали на него всплеском положительных эмоций, в которых они пребывали потом долгое время.

Девушка постояла ещё некоторое время, пристально всматриваясь в моё лицо, а затем быстро, почти бегом, покинула помещение. Лишь в дверях она на миг задержалась, ещё раз бросив в мою сторону подозрительный взгляд. В палате воцарилась полная тишина, и только было слышно едва уловимое сопение моих соседей по столу. Я попытался осмотреться вокруг, но мне это не удалось – шевелиться в моей «упаковке» было, практически, невозможно. Спустя пару-тройку минут, когда от нечего делать я уже было решил погрузиться в благоприятный сон, дверь в палату вновь отворилась. Я, насколько мог, повернул голову и скосил глаза на вошедших. Это была та же медсестра, которая доставила меня сюда, а с ней ещё одна женщина, явно старше сестрички и раза в два её толще.

– Вот, Фаина Семёновна, что я говорила! – громким шёпотом возбуждённо заговорила медсестра, тыча пальчиком в мою сторону. Оба врача не спеша подошли ближе к столу, на котором лежал я с компанией.

– Действительно, – задумчиво произнесла толстуха, встретившись со мной взглядом. – Странно…

– Я же говорила, что он какой-то не такой! – продолжала шептать молодая сестричка. Судя по голосу, ей было чуть больше двадцати лет.

Тут до меня вдруг дошло, что именно во мне привлекло внимание медицинских работниц. У новорождённых ведь не может быть такого осмысленного взгляда, какой был у меня с первых минут появления на свет. Я в своей жизни не раз видел малышей, которым было всего несколько недель от роду. Сам-то, в свои тридцать шесть, я ещё не успел обзавестись семьёй, так как после окончания учебы всё свободное время посвящал науке. Так вот, все новорождённые, которых я видел, ещё довольно долго после рождения не фокусировали взгляд на чём-либо. Они бессмысленно вертели головой в разные стороны, иногда реагируя на разные шумовые раздражители, а их взгляд всегда только скользил по всему, что попадалось им на глаза, не задерживаясь на чём-то конкретном.

Поняв, что допустил прокол, я не придумал ничего лучше, как скривиться и заорать, что было сил. Мой крик разбудил спящих в палате малышей. Как оказалось, здесь был не один такой стол с детьми. Поднялся такой гвалт, что медички, наверное, были уже не рады тому, что пришли. Успокаивать всю орущую толпу они не стали, а поспешили ретироваться, чтобы не травмировать себе слух. Увидев, что женщины удалились, я перестал орать, а вслед за мной постепенно успокоились и остальные. Потянулись долгие минуты ожидания неизвестно чего. Припомнив свою вольготную жизнь у мамочки в животе, когда я мог без проблем шевелиться и крутиться в пределах моего небольшого убежища, мне стало грустно. Сколько же ещё дней и ночей теперь придётся лежать вот так неподвижно? Отягощённый грустными мыслями, я не заметил как уснул.

Проснулся я от покачивания стола, на котором мы лежали. Оказалось, что это был вовсе не стол, а тележка на колёсиках, на которой нас куда-то везли. Через несколько минут стало понятно, что везут нас не куда-нибудь, а к нашим мамашам на кормёжку. Я весьма обрадовался этому обстоятельству, потому как давно уже ощущал чувство голода. Согласно биркам, прикреплённым ещё и на пелёнку, нас раздали сидящим в палате женщинам. Моя мать бережно приняла меня из рук медсестры и прислонила губами к своей груди. Я тут же с воодушевлением взял в рот её сосок, но сколько ни старался, ничего не смог из него вытянуть. «Что ещё за ерунда? – подумал, отстраняясь от кормушки, которая оказалась пустой. – Где же обещанный ужин?» То, что это была именно вечерняя трапеза, я понял по включённому во всех помещениях электрическому свету.

– Ешь, Витенька, ешь, – ласково произнесла мамочка, пытаясь вновь сунуть мне сиську в рот и нежно поглаживая по голове.

– Чего есть-то? – возмутился я. – Хоть бы молока туда налили…

Моё возмущение, естественно, прозвучало, как капризное похныкивание.

– Что, Лариса, молока нет? – послышался участливый голос соседки по койке. – Ничего, бывает. Это у тебя первый? – мать растерянно кивнула. – А у меня, вот, второй, – радостно сообщила невидимая мне женщина. – Ты погоди чуток, сейчас мой наестся, я и твоего покормлю. У меня на всех хватит.

Мать всем корпусом повернулась к соседке, и я увидел полную женщину лет двадцати пяти с большой грудью. Розовощёкий малыш, весело причмокивая, поглощал её содержимое. «Да она с таким размером сможет и десятерых накормить», – грустно подумалось мне. Делать было нечего, пришлось ждать, пока маленький обжора напьётся и отлипнет от груди мамаши.

– Давай своего, – предложила толстуха, укладывая своего сынишку рядом с собой на койку.

Мать передала меня соседке. Когда же перед моими глазами оказалась огромная грудь с синими прожилками, мне почему-то перехотелось из неё есть.

– Ты смотри! – удивилась добровольная кормилица. – Не хочет. Не голодный что ли или капризничает? – она вопросительно взглянула на мать.

Та промолчала, а толстуха сказала:

– Ладно, я всё равно сцеживаю, да и не я одна. Попозже его кто-нибудь из сестричек покормит.

– А когда его покормят? – с волнением в голосе поинтересовалась мать.

– Я не знаю, они там сами этим всем занимаются, – ответила соседка. – Во всяком случае, ночью кормёжки нет. Теперь уже только утром привезут… Да ты не переживай, с голоду умереть не дадут, – весело рассмеялась толстуха.

Вскоре пришла незнакомая мне медсестра, и нас всех вновь отвезли в нашу персональную палату. Я думаю, ей уже успели сообщить о странном младенце с умными глазами, потому что она всё время с интересом поглядывала в мою сторону. Чтобы не выдать себя ещё раз, я просто прикрыл веки и сделал вид, что сплю. Минут через десять, когда наевшиеся малявки уже мирно спали, попукивая в свои пелёнки, медсестра вернулась и принесла бутылочку с молоком.

– Ну что, сердешный, – обратилась она ко мне ласковым, тихим голосом, – кушать будешь или как? – И сунула мне в рот резиновую соску.

«Голод не тётка», – вспомнил я поговорку папаши, которую слышал, ещё будучи в утробе, и с азартом принялся за еду. Наевшись, я вполне умиротворённый, словно в экран, уставился в белый потолок, вспоминая облик своей матери, запечатлевшийся в памяти после нашей первой встречи. Это была худощавая женщина с неухоженным лицом, лишённым каких-либо признаков макияжа. Плотно сжатые тонкие губы, серые грустные глаза, от уголков которых разбегались мелкие морщинки, маленький острый носик, заметные носогубные складки… Я подумал, что в моём настоящем времени женщины её возраста выглядели намного моложе. Редкие каштановые волосы, которые мать перестала красить как только узнала что беременна, на несколько сантиметров от корешков имели природный русый цвет и были заплетены в небольшую косу. Нельзя сказать, чтоб она была красавицей, но если бы ей сделать косметическую процедуру на лице да добавить немного огонька в глаза, то она явно была бы ещё весьма симпатичной женщиной. Как мужчине с тридцатишестилетним жизненным опытом мне особенно понравилась форма её груди. Жаль, что из-за стресса в ней перегорело молоко, и теперь я при кормлении буду созерцать лишь резиновую соску на конце стандартной стеклянной бутылочки. Как ни странно, несмотря на то что я чувствовал к матери несомненную привязанность, я никак не мог отвязаться от мысли, что она мне ещё нравится просто как женщина взрослому мужчине. Странное, конечно, чувство, с которым мне тоже придётся что-то делать.

Поразмышляв ещё немного о том, с чем ещё в этой жизни мне придётся столкнуться, я уделил немного времени для того, чтобы определиться со стратегией своего дальнейшего поведения. Получив порцию неприятных ощущений во время родов, я совсем упустил из виду, что веду себя не совсем так, как должен вести малыш в возрасте всего лишь нескольких минут. В дальнейшем, чтобы не привлекать к себе внимание, решил быть более осторожным и сосредоточенным. За этими размышлениями я и не заметил, как в который раз погрузился в сладкий сон.

Проснулся я через несколько часов. Сразу не мог понять, что именно меня разбудило. Немного придя в себя, понял: во-первых, что не ощущаю под собой твёрдую поверхность, а во-вторых, между ног у меня была неприятная сырость, которая ещё и скверно попахивала. «Ещё один нюанс младенческой жизни», – подумалось мне. Откуда вдруг взялась влага, дога-

даться было нетрудно – это чётко отработал мой маленький кишечник, но вот почему моя спина не чувствует ничего под собой, было непонятно. Кое-как разлепив глаза, я с удивлением обнаружил прямо перед собой потолок палаты, а где-то внизу раздалось громкое кряхтение какого-то малыша, которое постепенно перешло в плач. Через несколько секунд этот клич подхватили ещё около десятка малышей, и вскоре палата наполнилась какофонией множества разнообразных голосов. Сориентировавшись, как говорится, на местности, я понял, что моё тело буквальным образом висит над столом-каталкой. «Вот только спонтанной левитации мне сейчас и не хватало, – с досадой подумал я. – Сейчас на вопли детворы прибегут медсёстры, а я тут парю над всеми. Воздухоплаватель, етить твою…» Вы не удивляйтесь, что человек, пришедший из будущего, где общество достигло большого духовного развития, так вот ругается. За время, проведённое в животе у мамочки, чего только я не понаслушался…

Усилием воли я вовремя сумел уложить себя на место. Лишь только моя задняя поверхность прикоснулась к столу, и мокрая пелёнка неприятно прилипла к ногам и ягодицам, как в палату вошли две медсестры. Одна из них была та самая, молоденькая, которая приводила сюда толстуху, вторая – та, что меня кормила. Чтобы не выделяться из толпы, пришлось и мне, закрыв глаза, принять участие в нестройном многоголосом хоре новорожденных. Медички не спеша перепеленали всех в чистые пелёнки, заботливо протерев влажным полотенцем все места, которые были испачканы отходами жизнедеятельности, и вскоре тишина возобновилась. Молодая медсестра так и не подошла ко мне, сразу же приступив ухаживать за детьми, лежащими на соседнем столе. Однако сквозь неплотно прикрытые веки я видел, как она бросала короткие подозрительные взгляды в мою сторону. Когда меня, наконец, облачили в сухое бельё, я тоже прекратил орать и сделал вид, что сразу заснул. Пока маленькое тело ещё не научилось полностью контролировать себя, я решил почаще прикидываться спящим. Окончив своё дело, медсёстры собрали грязные пелёнки и удалились.

В тишине комнаты в голову начали приходить разнообразные мысли. Факт моей непроизвольной левитации меня одновременно и обрадовал и огорчил. Обрадовал потому, что вопреки моему предположению, я вовсе не утратил все свои сверхспособности, а огорчил потому, что такие их спонтанные проявления вряд ли принесут мне какие-нибудь бонусы. В моём прошлом, хотя люди из низших варн и не были наделены особыми дарами, тем не менее они были прекрасно осведомлены о таких способностях у представителей других сословий. Поэтому относились к тому, что здесь называют чудесами, как к чему-то обыденному и не обращали на них никакого внимания. Можно только представить, как воспримут здесь полёты над землёй человека, не имеющего для этого дела никаких механических приспособлений, если в этом времени даже человек-невидимка считается фантастикой. Ну а если вдруг появляется реальный персонаж, который может делать что-то такое, что не укладывается в сознании толпы, то ему уделяется особо пристальное, можно сказать, даже болезненное внимание. Возможно, кому-то это льстит и стимулирует рост его эго, но вот мне такой славы точно не хочется. Я был воспитан совсем иначе и не привык каким-либо образом ставить себя выше других. У нас каждый занимал свою нишу в обществе, где старался по максимуму принести пользу от того что умеет делать, и в совокупности получалось, что все от этого только выигрывали.

Осознав, что теперь могу пользоваться левитацией, мне очень захотелось попробовать, что же у меня ещё может получиться. Однако, как мне не свербило ещё раз приподняться над землёй, а также попробовать что-нибудь из того, что умел раньше, я твёрдо сказал себе – нет. Во время применения каких-либо сверхспособностей расходуется колоссальное количество жизненной энергии. Там, где я жил, люди ежедневно занимались практиками, повышающими как уровень сознания, так и уровень собственной энергии, которая являлась и важнейшей составляющей долгой жизни, и гарантом крепкого здоровья. Как всё это отразится на здоровье, а возможно и жизни новорождённого младенца, мне было неизвестно. «Всему

своё время», – твёрдо решил я не поддаваться искушению и не забивать свой ещё не окрепший мозг всякой ерундой.

Глава 5

Второй день моей жизни, начавшийся ранним утром десятого сентября, был хмурым и дождливым. По стёклам барабанил осенний дождик, своим монотонным стуком погружая всех вокруг в меланхолию и апатию. Однако к полудню дождь прекратился, а к вечеру на короткий промежуток времени даже выглянуло солнышко. Окна родильного отделения смотрели на запад, поэтому я лежал и жмурился от ярких лучей заходящего сентябрьского солнышка. Ни повернуться в другую сторону, ни просто отвернуться я не мог, но сейчас это меня нисколько не беспокоило. Я с удовольствием подставил солнышку свою мордашку и, чувствуя нежное тепло, улыбался во весь рот.

Вскоре нас, как обычно, развезли на ужин. Меня, в отличие от остальных товарищей и подруг по палате, мать кормила из бутылочки, заранее сцеженным роженицами для такого случая, молоком. Таких, как я, здесь называли искусственниками. Если утренняя и дневная трапеза окончились как обычно – обратной транспортировкой малышей в детскую палату, то вечером началось настоящее представление. Под окнами больницы собралось множество народу, в основном мужчины, и они наперебой начали выкрикивать имена своих жён. Мамаши сразу засуетились, с волнением бросая короткие взгляды на окно. Услышав своё имя, они едва заметно вздрагивали и с нетерпением ждали, когда их чадо закончит трапезу. Лишь только их сокровище прекращало сосать, они тут же наспех прихорашивались и, подхватив малыша на руки, подбегали к окну. Папаши что-то кричали, махали руками, но так как открывать окна было запрещено, а палата находилась аж на третьем этаже, то женщины тыкали своих малявок прямо чуть ли не лбом в стекло, чтобы родичи смогли получше их рассмотреть.

Не избежал этой участи и я. Моя мать, подойдя к окну, тоже обвела взглядом собравшуюся внизу толпу и, видимо, заприметив супруга, заулыбалась. Она начала энергично махать свободной рукой, после чего выставила меня в окне, словно в витрине. Я взглянул вниз, и мне показалось, что я смотрю на большое и необычное семейство грибов, так как большинство мужчин были в фуражках. С любопытством обведя взглядом галдящих и машущих руками мужиков, отыскать среди них отца я не смог. Да и как бы я его признал, если до сих пор слышал только его голос. Слава Богу, длилось это безобразие не очень долго. Вскоре появилась медсестра и строго приказала укладывать новорождённых на стол. Мамочки нехотя подчинились, и нас отвезли в нашу персональную палату.

Такие вот «показательные выступления» продолжались каждый вечер на протяжении всех семи дней, которые мы с матерью находились в роддоме. Утром семнадцатого сентября, в понедельник, нас, наконец, благополучно выписали. В тот день я и познакомился с Николаем Николаевичем Петренко – моим папашей. В общем-то, я его таким и представлял. Крепко сбитый мужчина с мозолистыми руками, ростом он был чуть выше своей супруги. На голове уже привычная мне фуражка, в руках букетик каких-то осенних цветов (в цветах я особенно не разбираюсь, тем более в разнообразии видов в этом времени). Несмотря на то, что день был рабочим, отец радостно сообщил, что отпросился у начальника, чтобы забрать нас из больницы и за это ему нужно будет что-то там поставить бригаде. Видимо, он довольно долго простоял у дверей роддома, дожидаясь пока мы с мамой выйдем, потому что его нос заметно посинел. Несмотря на то, что по календарю была только середина сентября, погода стояла по-осеннему сырая и холодная. С нашим появлением круглое загоревшее от сварки лицо папаши, на котором, казалось, отражалась вся мировая тоска, наконец, расплылось в довольной счастливой улыбке.

– Осторожнее, медведь! – незлобно прикрикнула на него мамочка, когда батя забирал меня у неё из рук.

– Не боись, – уверенно заявил он, – солдат ребёнка не обидит. – На меня уставились два внимательных красноватых глаза. Так как отец работал на металлургическом заводе сварщиком то, видимо, имел профессиональное воспаление конъюнктивы глаз. – Наша порода, Петренковская, – гордо произнёс довольный папаша, продолжая щекотать меня своим весёлым взглядом.

Однако долго разглядывать у него не получилось. То ли от радости, то ли от воспаления, на его глазах появились слёзы, и он, чтобы промокнуть их носовым платком, вновь вернул одеяло, в которое я был надёжно укутан, матери. Мы прошлись немного по больничной аллее и вышли на какую-то улицу, по которой сновал в разные стороны городской транспорт. По такому торжественному поводу родители решили не ехать на автобусе, и отец поймал проезжающее мимо такси, на котором мы с комфортом добрались домой. На всём протяжении пути я незаметно, с огромным интересом, разглядывал город, в котором мне предстояло жить. Конечно, находясь в лежачем положении и глядя в окно машины, много я увидеть не мог, но всё же небольшое поверхностное представление получил. Поверхностным оно было в прямом смысле слова, так как, лёжа на коленях у матери, я мог видеть лишь верхние этажи многоэтажных зданий, да начинающие желтеть кроны деревьев, растущих по обочинам дорог. Я уже знал, что Зарецк, по большей части, был городом шахтёров и металлургов. К последним можно было причислить и моих родителей, хотя непосредственного отношения к выплавке чугуна или стали они не имели.

Мы вышли возле одного из нескольких пятиэтажных домов, которые родители почему-то называли «хрущёвками». В подъезде пахло сыростью и ещё чем-то напоминающим запах болота.

– Смотри, ему тоже не нравится этот запах, – обратилась к отцу мать, увидев, как я поморщил нос.

– А кому понравится, – буркнул в ответ тот. – Сколько лет уже в подвале вода стоит, а жековцы только обещают отремонтировать.

Мы не спеша поднялись на второй этаж и вошли в квартиру, номер которой я заметить не успел. В дверях нас встретила Матрёна Никитична – мать моей матери и, стало быть, моя бабка. Мне был хорошо знаком её низкий с хрипотцой голос, совсем не гармонирующий с её сухощавой фигурой. Бабулька, которой было, по моим подсчётам, всего-то пятьдесят шесть лет, ещё в период нашей с матерью беременности иногда навещала родителей. Как я понял, несмотря на повсеместный атеизм, она, тем не менее, была очень религиозной женщиной. Сейчас её голова была покрыта тёмным шёлковым платком, а на лице не было никаких признаков макияжа.

О религии, из того, что я услышал из разговоров бабушки с матерью, на данный момент времени у меня сложилось весьма противоречивое представление. С одной стороны, она как бы пыталась приблизить человека к Богу, что, несомненно, было большим плюсом, но с другой, – она, как я понял, имела множество догм и ограничений, и это являлось её огромным минусом. Я прекрасно понимал, что заключи свободного человека в какие-либо рамки, и большинство открытий так и не были бы сделаны, запрети ему полёт мысли, и не было бы написано множество музыкальных и художественных шедевров. Для того, чтобы творить, человек должен быть по-настоящему свободным от ограничений, для того, чтобы общаться с Богом, ему не нужны никакие особенные условия, особые места и выдуманные кем-то ритуалы. Конечно, я сужу, исходя из высокоморальных принципов, по которым живёт общество будущего, а также из того, что все живые существа того времени реально ощущают присутствие чего-то Великого и Могущественного. Это чувство настолько сильное, что ни у кого даже не возникает мысли о том, что Бога нет.

Но вот переживания, которые я ощутил, родившись в этом мире, были явно слабее. Скорее всего, на данном этапе Земля, как планета, ещё не излучает тот спектр энергий, при кото-

ром сверхчувствительность у её жителей становится нормой. Возможно, именно поэтому люди этой эпохи не имеют сверхспособностей и не могут ощутить реальную связь с Космосом. Тогда, наверное, определённые запреты и ограничения им всё же необходимы… Что ж, поживём-увидим…

– Слава Богу, слава Богу, – запричитала бабулька, пропуская нас внутрь. – Я уж заждалась.

Она замахала рукой, прикасаясь пальцами то ко лбу, то к плечам, то опуская руку вниз. Эти движения были мне непонятны. «Наверное, это часть какого-то ритуала», – предположил я. Скосив глаза, я с интересом проследил за манипуляциями старшей представительницы нашей семьи, но тут же поспешил зажмуриться, чтобы родня не заметила ничего подозрительного в моём взгляде. Эту привычку я выработал ещё в роддоме. Однако мои предосторожности были напрасны, так как все были возбуждены, радостны и вряд ли бы обратили сейчас внимание на такую мелочь, как осмысленный взгляд грудного ребёнка. Мы вошли в квартиру. Здесь, в отличие от лестничной клетки, пахло чем-то вкусным, видимо, родня подсуетилась по поводу праздничного стола.

– На выписку много времени ушло, – посетовала мать в ответ на укор бабульки, отдавая ей меня, чтобы снять верхнюю одежду.

– Я даже замёрзнуть успел, пока дождался, – вставил своё слово отец. – Ну ничего, сейчас согреемся, – добавил он, потирая ладони.

– Тебе бы только напиться, – неодобрительно пробурчала бабка.

– По такому случаю не грех, Матрёна Никитична… Не грех, – весело возразил папаша.

– Ой, – встрепенулась вдруг бабуля, когда меня высвободили из одеяла, – нужно же ребёночка повивальником[3] умотать. Говорила тебе, возьми его с собой, – укорила она мою мамочку.

– Мама, ну кто будет с ним там возиться? – мягко возразила та.

«Чего это ещё моя неугомонная бабка придумала? – мысленно возмутился я. – Мало, что в пелёнку замотан, так ещё нужно каким-то повивальником обмотать… Они что, из меня мумию собираются сделать?»

– А если у него ручки или ножки кривыми будут, что потом делать прикажешь? Ну да ладно… раз в больницу не взяла, то уж дома обязательно умотай. Слава Богу, добрые люди подарили, дай им Бог здоровья.

– Хорошо, – согласилась мать.

Пока она меня разматывала, пока меняла подгузник, который мне пришлось по дороге немного подмочить, пока поверх пелёнки уматывала какой-то широкой пёстрой лентой, стянувшей моё тело так, что вообще было невозможно шевелиться, на кухне звякала посуда и доносились: тихий голос бабульки и жизнерадостные восклицания отца.

– Куда ты лезешь своими ручищами-то, – ворчала баба Мотя. – Успеешь ещё…

– Так я кусочек колбаски, – миролюбиво ответствовал зять. Звякнула посуда. – Как говорит Толян: «Хороший праздник не обойдётся без бутылки, а вот бутылка без праздника обойдётся легко!»

– Аккуратнее, антихрист, посуду разобьёшь.

– Не боись, Матрёна Никитична, всё будет чики-пуки.

Закончив уматывать, мать уложила меня в деревянный манеж. Взглянув на меня нежным материнским взглядом, она удалилась на кухню, чтобы вместе со всеми отметить пополнение семейства и благополучное возвращение домой.

– Так, что-то я не понял, – возмутился я довольно громко. – Сами, значит, трапезничать будут, а ты тут с голоду помирай?!

---

[3] Повивальник (или свивальник) – широкая лента, которой обертывали малыша поверх пеленок для того, чтобы ручки и ножки лежали ровно.

Разговор на кухне стих, видимо, родня ждала, что я вскоре утихну. Только я замолкать вовсе не собирался, а потому, спустя пару минут, в комнате появилась мать со знакомой бутылочкой молока в руке.

– Не плачь, мой хороший, – ласково проговорила она, вынимая меня из манежа. – Сейчас мамочка тебя покормит. Ты думал, что про тебя забыли? – она бережно уложила меня себе на руки и сунула мне в рот соску. – Ешь, мой маленький, ешь, мой сладенький… – приговаривала она, пристально всматриваясь в моё лицо.

Я уже по привычке закрыл глаза, делая вид, что получаю огромное удовольствие от еды, а самого распирало от смеха. Лёжа с закрытыми глазами, мне совсем не тяжело было представить тридцатишестилетнего мужчину на руках у женщины, да ещё с соской во рту. Картинка у меня в голове, скажу вам, получилась довольно забавная.

– Ларочка, вы долго ещё? – в комнату заглянул отец. Его лицо стало ещё краснее, а до моего чуткого обоняния долетел незнакомый мне неприятный запашок. Это было какое-то специфическое амбре, которое мне не встречалось в моём прошлом мире, а потому я сразу не смог понять, что же такого здесь едят или пьют люди, что от них потом начинает так вот неприятно пахнуть. Во всяком случае, за всё время моего пребывания в роддоме, я ни от кого такого запаха не учуял.

– Уже скоро, – отозвалась мать, не отрывая от меня взгляда. Я чувствовал его даже сквозь опущенные веки. – Видишь, совсем немножко осталось. Мы мальчики хорошие, мы мальчики послушные, – продолжала умиляться моим аппетитом родительница. – Вот как мы хорошо кушаем…

Такое вот сюсюкание меня, честно говоря, немного раздражало. В принципе, я-то понимал, что родители думают будто разговаривают с ничего непонимающим младенцем, но дело ведь обстояло далеко не так. Это по внешнему виду я был маленьким карапузом, но моё сознание-то было гораздо старше. Покончив с едой, я по заведённой, явно не мной, традиции, опорожнил в пелёнку свой мочевой пузырь, а когда не привыкшая к таким сюрпризам мамочка уже хотела было уйти, не проверив наличие влаги, громко ей об этом напомнил.

– Чего он ещё хочет? – нетерпеливо пробурчал отец, который по-прежнему стоял в дверях, и ему, видимо, очень хотелось продолжить праздник.

Мать сначала недоумённо пожала плечами, а потом, наверное, её материнский инстинкт всё же подсказал причину моего недовольства. Ей до этого не приходилось сталкиваться вплотную с этой проблемой, так как в больнице с малышами занимались медсёстры. «Ну ничего, привыкнет ещё», – подумал я, когда уже сухого и сытого меня вновь уложили в манеж.

Пока на кухне праздновали, я немного осмотрелся вокруг. Комната была небольшая. Прямо напротив моего манежа стоял платяной шкаф, слева – на стене, оклеенной какими-то невзрачными зеленоватыми обоями, висела пара полупустых книжных полок. Родительскую кровать с металлическими спинками, стоявшую у окна рядом с манежем, видно не было, но я заметил её, когда мать поднимала меня, чтобы перепеленать. Рядом с кроватью, на тонкой ножке, точно истощавший часовой, застыл старенький торшер с голубым абажуром. На потолке, покрашенном в больничный белый цвет, висела простенькая трёхрожковая люстра с матово-белыми плафонами. Вот, собственно и всё, что здесь было.

Окончив осматриваться, я вновь загрустил. Сколько мне ещё предстоит вот так проваляться без дела, когда вокруг столько интересного, столько всего, о чём мы в нашем мире даже уже и не догадываемся. Конечно, у меня впереди ещё целая жизнь, но, как я уже упоминал, у меня от моего прошлого остался мой неугомонный темперамент. В той жизни я и минуты не мог посидеть, чтобы чем-нибудь не заняться. Если не работали руки, то вовсю трудился мой мозг, который, как вы помните, выдавал, практически, девяносто процентов своего КПД. Именно благодаря моей работоспособности меня и взял к себе в лабораторию про-

фессор Здравомыслов. И вот теперь мне приходиться, туго умотанным пелёнкой, неподвижно лежать в манеже и тупо пялиться в потолок…

Когда родительские посиделки закончились, они все трое ещё раз заглянули ко мне в комнату. Услышав их шаги, я сделал вид, что сплю, однако чуть было не вскочил на ноги, когда подошедший к манежу отец вновь дохнул на меня всё тем же неизвестным мне зловонным амбре. Я еле удержался, чтобы не выдать себя громкими возмущениями.

– Спит Витюша… намаялся с переездом, – с умилением произнесла мать.

– Нужно будет подумать, когда его покрестить, – безапелляционно заявила бабуля, от которой тоже повеяло таким же душком, как и от отца, только чуть слабее. – И чем раньше, тем лучше.

Концентрация эфирных веществ, выдыхаемых родичами в моей комнате, неуклонно увеличивалась, так, что с непривычки у меня начала кружиться голова.

– Успеется, куда торопиться… Дурное дело не хитрое… – беззаботно отмахнулся папаша.

– Молчи, богохульник! – окрысилась на зятя баба Матрёна. – Не успеется. Крещёный он и спать будет спокойней и вообще…

– Да он и так дрыхнет, как убитый, – тихонько хохотнул папаша. – Пушкой не разбудишь.

– Покрестим обязательно, пусть он немного пообвыкнется… – решила примирить две враждующие стороны дочь, супруга и мать в одном лице.

– Ладно, пойду я, – недовольно проворчала бабуля и направилась к выходу из комнаты.

Родители двинулись вслед за ней, чтобы проводить, но мать вернулась и, укрыв меня одеялом, приоткрыла форточку. Я мысленно послал ей огромную благодарность и, наконец, полной грудью вдохнул чуточку посвежевший воздух. Однако вспомнив, что мне предстоит спать в одной комнате с отцом, вновь пришёл в уныние. «Похоже, что придётся всё это как-то терпеть», – безрадостно подумал я.

– Ты когда выпьешь, не можешь удержаться, чтобы не перечить матери, – услышал я из коридорчика укоризненный голос мамочки, когда дверь за бабулей затворилась.

– Так я ж ничего такого не сказал, – не очень смело оправдывался папаша.

– Это тебе так кажется, – возразила супруга. – Зачем ты пил третью рюмку?

– Так… – неопределённо буркнул отец, но развивать свою мысль не стал. Как я уже понял за предыдущие девять месяцев, папаша у меня был вовсе не конфликтным человеком и всегда уступал матери в спорах, особенно, если чувствовал, что она права.

– Ты иди, посмотри телевизор, вздремни на диване, если хочешь, – предложила ему заботливая супруга. – Незачем на ребёнка сейчас перегаром дышать. Видел, как он носик кривил, когда ты к нему подошёл?

«Во как! – подумал я. – Какая у меня замечательная мамочка – всё замечает. То обратила внимание, что мне запах на лестнице не понравился, теперь вот, что я от, как там она сказала: „перегара“ скривился. Отчего же этот перегар появляется, и что нужно сделать, чтобы он появился?» Вопросов становилось всё больше, а решать их у меня пока не было никакой возможности. Я попытался было подключиться к планетарной системе данных, которую открыли приблизительно в эти времена и назвали Ноосферой[4], но у меня, к сожалению, ничего не получилось. То ли ещё не хватало энергии, то ли в этом времени мне такая способность вообще будет недоступна. Тогда я обратился к своему ангелу-хранителю. Тот незамедлительно возник прямо передо мной и посмотрел на меня печальными глазами.

– Что такое перегар, говоришь? – повторил он вопрос, вертящийся в моей голове. – Что ж, попробую объяснить тебе. – Он немного помолчал, будто собираясь с мыслями, и продолжил. –

[4] Ноосфера – тонкоматериальное пространство планеты и Космоса способное накапливать в себе энергии, порождаемые мыслями и чувствами людей.

К сожалению, в этом мире люди ещё не научились бережно относиться к своему здоровью. В эти времена, желание получить телесное наслаждение зачастую преобладает над здравым рассудком. Люди вдыхают в себя ядовитый дым, называя это курением, они пьют алкоголь, который является нейротоксином и также медленно разрушает их тела. Попадая в желудок, алкоголь быстро всасывается в кровь, и организм перерабатывает его в альдегид. Он-то, испаряясь через лёгкие, и имеет специфический запах, который называют перегаром.

– Но для чего люди это делают?! – забывшись, в недоумении воскликнул я вслух. – Почему они сами себя отравляют?

На мой вопрос ответа я не получил, так как на крик прибежала мамочка и, взяв меня на руки, начала баюкать, и успокаивать. «Как же, у вас тут успокоишься, – подумал я, прикинувшись спящим. – Вы творите неизвестно чего, а ты, значит, лежи спокойно и делай вид, что ничего не происходит. Ну ничего, дайте только срок, я уж постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы хоть как-то изменить существующее положение вещей. Профессор, конечно, предупреждал о том, чтобы я не вмешивался в текущий ход истории, так как я первый, кто забрасывается в прошлое, и ещё неизвестно, к каким последствиям моё вмешательство может привести. Ну да ладно… поживём-увидим. Как говорят, утро вечера мудренее».

Глава 6

Спустя две недели, в последний день сентября, меня всё же решили покрестить. Естественно, в принятии этого решения не обошлось без активного участия бабы Матрёны, которая с каждым своим приходом напоминала родителям о необходимости проведения данного ритуала. Наблюдая за дебатами, неизменно возникающими между отцом, который, как он говорил, был «партийцем со стажем», и его беспартийной тёщей, я, в общем-то, уже имел общее представление о том, что же это за мероприятие – крещение. Как я понял, в этот день назначенные условные родители, их потом называют крёстными, должны были отнести ребёнка в церковь. Там церковнослужитель, которого отец называл попом, а бабка батюшкой, проводил определённые манипуляции с новорождённым, окуная его в воду и читая молитвы. То есть, судя по всему, он должен был подключить меня к какому-то виду энергии, которая в нашем мире называется эгрегор[5].

Отец в течение этих двух недель немного покочевряжился, но против тёщиного напора, поддерживаемого нейтралитетом супруги, не устоял.

– Вы только слишком вокруг-то не распространяйтесь, – попросил он женщин, когда решение было окончательно принято. – Не хватало мне ещё на работе по партийной линии взыскание огрести.

Конечно, посмотреть на что-то новенькое и обогатить свои знания новой информацией об этом мире мне очень хотелось, но тут моя свободолюбивая сущность вдруг взбунтовалась – моего-то согласия никто как-то и не спросил. «Когда вздумал всякими непотребствами заниматься, – мысленно возмущался я, поглядывая на отца, – то в живот мамке кричал, разреши, мол. А теперь, вот он я перед вами лежу, а вам трудно меня спросить?» К сожалению, узнать моё мнение никто так и не удосужился, и мне пришлось подчиниться воле родителей. В качестве крёстных пригласили: отец – Толика, своего товарища по работе, мать – свою давнюю подругу Оксану. Мамочка с самого утра принялась готовить праздничный стол, а мои крёстные взяли меня в охапку и в сопровождении бабули, как же без неё, направились в церковь.

На улице вновь немного потеплело. Ярко светило солнышко, приятно пахло сырой листвой, которую ещё не успели убрать дворники. Я и в той своей жизни любил раннюю осень. Мне нравилось в редко выпадавшие свободные минуты побродить по опавшим листьям, под их шорох погружаясь в свои мысли.

Толик был чуть пониже моего отца и, приблизительно, того же возраста. С его лица с такими же красными, как и у бати, глазами, казалось, никогда не сходила добродушная улыбка, а руки были такими же крепкими, как и у моего родителя. Он был весельчаком и оптимистом по жизни, и если бы не его любовь к алкогольным напиткам и курению, то я бы мог считать его образцом никогда не унывающего советского человека этого времени. В присутствии моей бабули Толик старался вести себя сдержанно и не балагурил, поэтому, убаюканный в его руках, я наслаждался погодой и радостно жмурился, когда солнечный свет попадал мне в лицо. Оксана, щупленькая, если не сказать худая, женщина маленького роста, истинный возраст которой было трудно определить из-за большого количества косметики на её несколько вытянутом лице, была одета в пальто и какую-то замысловатую шапку из меха. Она шла рядом и время от времени порывалась забрать меня у моего будущего крёстного. Однако тот доверил ей столь ценный груз только лишь тогда, когда мы сели в автобус. Женщине с ребёнком тут же уступили место, а Толик с моей бабулей остались стоять рядом.

---

[5] Эгрегор – энергоинформационное поле, объединяющее людей, имеющих определённое сознание, стереотипы, желания, пороки, одну общую идею: семья, коллектив, банда, народ, школа, секта, финансовая пирамида, город, государство, религия, армия, толпа, нация, партия, племя, этнос, социум. У каждого из перечисленных обществ, своя энергоёмкость и психология.

Ехали мы не долго, а может это мне только показалось, так как я, лёжа на руках у Оксаны, немного вздремнул. Проснулся, когда мы уже выходили из автобуса. Толик, чуть поотстав, закурил. У входа в церковь Оксана передала меня закончившему курить крёстному и вместе с бабулей три раза перекрестилась (теперь я знал, что означает своеобразное махание рукой перед собой).

Несмотря на моё неодобрение, что со мной, без моего согласия, будут проводить какие-то обряды, само путешествие мне было интересно. Монотонное лежачее пребывание в манеже, связанным по рукам и ногам, ужасно надоело, но, к сожалению, даже при моём не детском сознании, физическое тело не могло развиваться быстрее, чем заложено природой. Единственное, чем я мог похвастать, так это наличием в таком раннем возрасте четырех зубов – по два: сверху и снизу. Что ж, я, как и Толик, тоже всегда был оптимистом, поэтому не терял надежды на то, что со временем сумею настроить свой организм на более интенсивное развитие. В отличие от людей этого времени я-то знал, что именно сознание определяет наше бытие.

Когда мы вошли во двор, то бабуля, как сведущий в религиозных делах человек, отвела нас в специальное помещение, в котором, видимо, и должен был проходить обряд. Народу здесь было немного – всего две пары крёстных и ещё несколько человек родственников, включая и мою бабулю. То ли детей рождалось не очень много (но по количеству новорождённых в роддоме такого не скажешь), то ли люди так же, как и мой папаша, опасались приходить в церковь из-за атеистической политики государства. Хочу сказать, что обстановка внутри помещения мне понравилась. Всюду было развешано множество картин в золочёных рамках с изображением непривычно одетых мужчин и женщин; женщины, как правило, держали на руках младенца, а мужчины – кресты и книги. Здесь приятно пахло какими-то ароматическими веществами, создающими некую мистическую атмосферу и, несомненно, благотворно влияющими на ауру.

Я уже в общих чертах имел представление о том, что такое церковь, и для чего она предназначена. В нашем мире, то есть в будущем, таких заведений вообще не существовало. Люди умели свободно общаться со своими духами-кураторами, а некоторые и с другими существами из тонкого мира. Мы всем своим естеством чувствовали постоянное незримое присутствие чего-то необъяснимо великого внутри нас, вокруг нас и всюду, куда не кинешь взгляд. С самого рождения мы ощущали себя маленькой частичкой чего-то невероятно большого и светлого, и для того, чтобы это понимать, не нужно было никуда ходить и читать специальную литературу. В этом же мире люди даже не представляли что такое Абсолют и тем более не ощущали его. Те же, кто желал иметь хоть какую-то сопричастность с ним, шли в церкви, пытаясь отыскать там то, что всегда было и есть с ними рядом.

В моём прошлом мире, конечно, есть что-то, отдалённо напоминающее здешние церкви. У нас в разных уголках планеты построены специальные храмы, которые возводились исключительно в местах силы, то есть там, где из Земли выходили мощные источники энергии. Люди, которым в силу определённых обстоятельств приходилось расходовать много жизненной энергии (в большинстве случаев это были работники интеллектуального труда), чтобы её восполнить, приезжали в такие вот заведения и могли там посидеть или даже полежать, то есть просто отдохнуть. Чтобы набраться сил, им не нужно совершать какие бы то ни было ритуалы и обряды, а внутри храмов нет никаких особых украшений для привлечения большего количества паломников… Главное, это наличие в них мощной восстановительной энергии.

Пока я с интересом разглядывал всё вокруг, мои крёстные зажгли свечи, которые им принесла баба Мотя. Расположившись полукругом, они вместе с остальными людьми принялись внимать тому, что толстый работник церкви с окладистой бородой, одетый в чёрную просторную одежду, читал из толстой книги. Взглянув на сосредоточенное лицо Толика, который из того, что читал священник, ничегошеньки не понимал и был сейчас похож скорее на тупого школяра, чем на серьёзного мужчину, я чуть было не прыснул со смеху. С трудом сдержав себя,

чтобы не рассмеяться, я прислушался к тому, что нараспев произносил толстяк, и оказалось, что я, практически, всё понимаю – священник читал на хорошо известном в моём прошлом мире славянском протоязыке. Я, откровенно говоря, такого даже не ожидал. Единственное, что мне было не совсем ясно, так это почему здесь упоминались лишь какие-то замысловатые, вовсе не славянские имена. Тем не менее, все внимательно слушали и время от времени крестились, что-то тихо бормотали и кланялись.

Слушая, не без интереса, всё, что читал священник, я мысленно прикидывал – чего бы сделать такого, чтоб избежать подключения к эгрегору, который меня, на данный момент времени, вовсе не интересовал. В этом я, скорее, был солидарен с моим папашей. Тот тоже был не в восторге от того, что меня понесут в церковь, хотя и его атеистические взгляды мне также были чужды.

– О имени твоём, господи Боже истины, и единороднаго твоего сына, и Святаго твоего Духа, возлагаю руку мою на раба твоего Виктора, – пропел толстяк возле меня и, перекрестив, потянулся ладонью к моей голове.

Медлить было нельзя. Я изловчился и хватанул священника своими едва отросшими зубами за его большой палец. От неожиданности тот вздрогнул и, чуть отпрянув назад, с укором посмотрел на меня. Я же, недолго думая, взял и показал ему язык. На лице работника церкви отразилась одновременно целая гамма чувств и эмоций. Такой младенец ему явно попадался впервые. Прикасаться ко мне ещё раз он уже опасался, хотя мой укус не причинил ему особого вреда, да я, в общем-то, к этому и не стремился. Имея многолетний опыт работы в этом заведении, священник быстро взял себя в руки и, как ни в чём не бывало, подошёл к другому малышу. С ним он уже спокойно проделал то, что со мной не вышло. Вновь отвернувшись от нас, толстяк продолжил напевать:

– Сподобльшагося прибегнути ко святому имени твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися…

Время шло, а он всё читал и читал, а мне становилось с каждой минутой всё грустнее, так как, в отличие от других здесь присутствующих людей, прекрасно понимал смысл прочитанного. Главной мыслью всего текста было отречение от какого-то Сатаны и желание подтвердить свою незыблемую веру в Бога, которого священник именовал Саваофом. Ни того, ни другого я не знал, поэтому мне всё это казалось странным и чуждым. Самым мне непонятным было то, что через определённые промежутки времени все хором повторяли фразу: «Господи, помилуй!». В наше время, я имею ввиду то, откуда я сюда прибыл, люди не просили Бога ни о чём и тем более о помиловании. Все прекрасно знают – всё, что он даёт – это его воля и наши чаяния. И не важно, осмысленные это мысли и желания или случайно мелькнувшие в нашей голове. Отсюда и умение контролировать всё, о чём мы думаем и о чём мечтаем. Так что всё, что мы делали, так это благодарили Всевышнего за всё, что имеем. Я слушал, а в моей душе зрел всё больший протест и возмущение. Понимая, что в данный момент сделать ничего не могу, а мой укус не произвёл должного впечатления, я терпеливо дожидался следующего удобного случая, чтобы, наконец, прервать насилие над моей личностью.

Пока священнослужитель освящал елей и воду для производства самого таинства крещения, нас с моим соратником по несчастью начали раздевать. Оставшись нагишом среди незнакомых мне людей, я немного смутился, в своём сознании я всё же был тридцатишестилетним мужчиной. Смущение я преодолел быстро, но вот с холодом я бороться ещё не научился, поэтому изрядно замёрз, и моё тело покрылось мелкими пупырышками. Толстый священник в этот раз не решился начать с меня. Он помазал елеем второго малыша, после чего окунул того в воду. «Вот, решающий момент», – пронеслось в моей голове. Когда же священник с некоторой опаской всё же взял меня на руки и поднёс к чаше с водой, я просто, выскользнув из его мясистых ладоней, завис в воздухе. В первое мгновение в помещении воцарилась мёртвая тишина. Все, наверное, были в шоке. Первым пришёл в себя работник церкви.

– Изыди, нечистая, сгинь, Сатана! – звучным басом заголосил он и, схватив свой большой крест, начал неистово махать им предо мной. – Сгинь, сгинь… – твердил он, не переставая креститься.

Среди присутствующих возникла небольшая паника. Люди, пришедшие вместе с нами, вместе со своим младенцем побежали к выходу, позабыв, что их малыш завёрнут всего лишь в одну пелёнку, а на улице не лето. Я же, так как вся жизненная энергия ушла на согревание тела, долго парить над чашей не смог. Когда силы иссякли, моё тельце всё же плюхнулось в воду. Первым мне на помощь, как ни странно, бросился Толик – мой несостоявшийся крёстный. Видимо, он меньше всего был подвержен влиянию всевозможных предрассудков, а потому, посчитав увиденное ничем иным как массовой галлюцинацией, не побоялся ко мне прикасаться. Я для пущей важности заорал, что было сил, а он ловко извлёк меня мокрого и дрожащего от холода из чаши с водой. Подойдя к стоявшей всё ещё в недоумении Оксане с приготовленным большим полотенцем в руке, Толик что-то шепнул ей на ухо и сунул меня ей в руки. Та, после слов своего несостоявшегося кума тихонько прыснула и принялась интенсивно меня обтирать. Только баба Матрёна так же, как и священник, неистово крестилась в сторонке, а её губы шевелились в безмолвной молитве.

Поняв тщетность предпринимаемых мер, она вместе с толстяком вскоре спешно покинула помещение, и мы остались одни. Несостоявшиеся крёстные постарались поскорее меня завернуть в сухие пелёнки и одеяло и тоже вышли на улицу. На улице мы увидели, что баба Матрёна, не переставая креститься и не отставая от священнослужителя, направилась в основное здание церкви. Толик с Оксаной не стали её окликать и поспешили на остановку автобуса. В пропахшем бензином салоне (у нас в будущем вся техника приводилась в движение только электричеством, извлекаемым прямо из окружающего пространства) было тепло, и я быстро согрелся. Оксане вновь уступили место, а я, наконец-то, погрузился в целительный сон. Проснулся я уже дома, разбуженный громкими голосами. Я лежал в своём манеже, а взрослые в другой комнате, скорее всего в гостиной, где предполагалось накрыть праздничный стол, что-то бурно обсуждали.

– Да фигня всё это, – доказывал кому-то Толик. – Говорю вам – галлюцинация. Я про такое явление читал где-то.

– Галлюцинация?! – чуть ли не кричала, видимо, тоже уже вернувшаяся из церкви бабуля. – Да я вот этими вот глазами видела!

– Так я и говорю, – невозмутимо настаивал на своём несостоявшийся крёстный, – всем почудилось.

– А знаешь, что отец Михаил говорит? – не унималась баба Матрёна. – Говорит, что дьявол в него вселился, прости меня Господи.

– А почему ж это дьявол вдруг вселился именно тогда, когда в церковь пришли? – задал резонный вопрос Толик. – Почему ж он раньше-то молчал? А? У вас что там мёдом намазано? Так это уже не церковь получается, а не знаю что.

– Не богохульствуй, антихрист, – взвизгнула бабуля.

– Говорил же, не нужно было затевать эти крестины, – вставил своё слово отец. – А теперь что получается, напрасно стол накрывали?

– Не знаю как остальные, – вновь взял слово несостоявшийся кум, – а я проголодался и с удовольствием бы чего-нибудь съел.

– И то правда, не пропадать же продуктам, – произнесла мать. – Вы садитесь, а я к Витюше на секундочку загляну.

Дверь в мою комнату приоткрылась, и я, лёжа с закрытыми глазами, услышал тихие мягкие шаги. Не нужно было быть экстрасенсом, а может быть этот дар у меня и был, но я всем своим естеством ощутил внимательный, изучающий взгляд матери. Она молча простояла

больше минуты, пытаясь что-то во мне увидеть. Потом просунула руку мне под зад, убедилась что там сухо и также тихо удалилась.

– Тише вы! – прикрикнула она на всё ещё галдевшую толпу. – Разбудите ребёнка.

Гомон сразу стих, а я прислушался к своим ощущениям. «Правильно ли я поступил, не дав произвести над собой ритуал? – задавал я себе вопрос. – Может быть, в этом времени подключение к эгрегору церкви необходимость, без которой в дальнейшем будет жить гораздо труднее?» Впрочем, забивать себе голову догадками не стал.

– Селур! – мысленно обратился я к духу-куратору.

– Слушаю тебя, – тут же последовал ответ.

– Скажи, если это возможно, нужно ли мне принимать обряд крещения?

– Я могу сказать лишь одно. Эгрегор христианства ещё имеет достаточную силу, но, тем не менее, в ближайшем будущем она начнёт слабеть. Люди постепенно начнут понимать, что им нужно что-то другое… Многие начнут искать Бога вне церкви. Ну а сейчас?.. Ты прекрасно знаком с законом свободы воли, поэтому любой твой выбор будет правильным.

– Благодарю тебя, ты меня успокоил, – сказал я.

Денёк сегодня у меня выпал не из лёгких, поэтому организм затребовал срочного отключения, чтобы восстановить силы. Вечером, уже поужинав и собираясь вновь заняться своим уже поднадоевшим делом, а именно сном, я вновь почувствовал на себе пристальный взгляд своей мамочки.

– Как ты думаешь, – обратилась она к своему супругу, разглядывая милую мордашку своего сыночка, – правду кумовья говорят про церковь? Что там на самом деле произошло?

– Кто ж его знает… – Я сквозь щёлочки между веками видел, как отец подошёл к матери и обнял её за плечи. От него вновь потянуло перегаром, но не в такой степени, как в прошлый раз. – Знаешь, мне иногда кажется, что на меня смотрит не малявка, которому ещё без году неделя, а взрослый разумный мужик. Может он у нас действительно какой-нибудь особенный? Ты же сама говорила, что зубы должны появляться не раньше, чем через полгода, а ему ведь ещё и месяца нет…

– Так врачи говорят… И всё-таки, – мамочка вернула разговор в прежнее русло, видимо, желая получить от отца исчерпывающий ответ. – Он что, действительно там летал?

– Ерунда, – супруг тряхнул головой, будто сбрасывая какое-то наваждение. – Ты сама посуди, как такое возможно? Я, например, никогда о таком не слышал, чтобы люди по воздуху летали. Про сказки я не говорю.

– Возможно, ты и прав, – с сомнением в голосе ответила мать, отходя от манежа. Она взяла с полки какую-то книжку, включила торшер и погасила люстру. – Ложись спать, – добавила она, заметив, что муж задумчиво стоит посреди комнаты, словно не понимая, что нужно делать.

– Да, ложусь, – встрепенулся тот и, быстро раздевшись, нырнул под одеяло.

Мать ещё с десяток минут делала вид, что читает, хотя я чувствовал, что её мысли сейчас совсем о другом. Наконец, она положила книгу под подушку и выключила свет. Однако и теперь мамочка ещё долго ворочалась, пытаясь уснуть. Я бы тоже был не против немного поворочаться, но пока что любые движения оставались для меня лишь мечтой.

Часть вторая

Глава 7

Время тянулось, как густой кисель из подгоревшей кастрюли, – медленно и вязко, и в один, я бы не сказал что прекрасный, день вдруг оказалось, что моей матери пора выходить на работу. Это произошло ровно через пятьдесят шесть дней после моего рождения и оказалось для меня большой неожиданностью. Я даже представить себе не мог, что такого малыша, каким я был через неполных два месяца моей жизни, отдадут в учреждение, называемое здесь яслями, в руки абсолютно незнакомых людей. Представляю уровень негодования женщин моего времени, если бы они узнали, что должны разлучиться – почти на половину суток, со своей крохой из-за того, что кто-то, не понимая всех тонкостей энергообмена матери и ребёнка, издал такой нелепый указ. Там, откуда я пришёл, вовсе не является секретом, что в таком маленьком возрасте малыш особенно остро нуждается в маминой энергетике, внимании, прикосновениях, её голосе… Именно в это время в подсознание нового жителя планеты закладывается фундамент всей дальнейшей жизни. От того, как и с кем он проведёт свои первые годы, зависит его здоровье, его мировоззрение и поведение. Что же получится, если вместо неиссякаемой энергии любви, которую ребёнок получает в объятиях матери, он будет черпать непонятно что – от совсем чужого для него человека. Хорошо ещё, если у воспитателей будет присутствовать хотя бы природная любовь к детям, ну а если нет даже этого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.